

Борис Алексеев

ИЛЬИНСКИЙ ВОЛНОРЕЗ

О человеческом беспокойстве...

Борис Алексеев

**Ильинский волнорез. О
человеческом беспокойстве...**

«Издательские решения»

Алексеев Б.

Ильинский волнорез. О человеческом беспокойстве... /
Б. Алексеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909904-4

«Ильинский волнорез» — книга о человеческом беспокойстве, пошаговая запись становления четырнадцати духовных биографий. Иными словами — пристрастные «путевые заметки» о восхождении человеческого «я» со дна Житейского моря, усыпанного погибшими кораблями и морскими звёздами, в высокие сферы, где сверкают совсем другие звёзды, и дух замирает от нереальной красоты сущего!

ISBN 978-5-44-909904-4

© Алексеев Б.
© Издательские решения

Содержание

Три товарища	6
Глава первая. Переплетение судеб	7
Глава вторая.	27
Глава 3.	35
Ильинский волнорез	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ильинский волнорез О человеческом беспокойстве...

Борис Алексеев

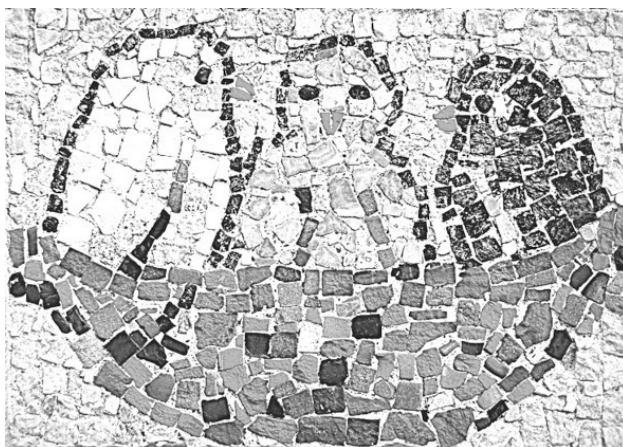
© Борис Алексеев, 2018

ISBN 978-5-4490-9904-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Три товарища

Повесть

Глава первая. Переплетение судеб

Часть 1. Ночная переделка

Степан шагал по гулкому ночному коридору Большой Ордынки, то пританцовывая, то загадывая количество шагов до очередного фонаря. Случайный прохожий, оказись он рядом, наверняка бы решил, что праздный гуляка пьян или, на худой конец, влюблён. Но улица была пуста, и полуночное дефили тридцатидвухлетнего бесшабашного москвича (приезжие так себя не ведут!) оставалось никем не замеченным, если не считать любопытных переглядов бессонницы за мутными занавесками чёрных окон.

– Сволочи!.. – из переулка шагах в двадцати от Степана вырвался сдавленный мужской голос, сопровождаемый сопением и глухими ударами. Стёпа бросился на крик стремительно, будто ждал случая проявить в ночи мужскую доблесть и благородство.

Три сопляка повалили большого грузного мужчину. Двое добивали жертву ботинками, а третий шарил в большом коричневом портфеле, из-за которого, видимо, и случилась грызня.

– Бабло! Стручки, бабло! Рвём!.. – заорал пацан, сгибаясь пополам над «шоколадным» трофеем. Он уже привстал и готовился бежать, но в этот миг Стёпа размашистым апперкотом снёс парня, выхватив на лету добычу.

– Ах ты, су... – один из двух «степистов» прыгнул в ноги рослому Степану. Сверкнул нож. Стёпа отскочил на шаг и ударом тяжёлого портфеля по голове прибил нападавшего стручка к асфальту. Бросив портфель в сторону, он схватил парня за руку, ловко вывернул кисть и заставил отпустить нож.

– А-а! Руку сломал! – взвыл пацан, перекатываясь по асфальту.

Третий парень хотел бежать, но страх так сильно сковал беднягу, что тот медленно сполз по стене дома и, как подрубленное дерево, цепляясь ветвями рук за выступы фасада, повалился на тротуар. Он так и остался лежать, наблюдая за Степаном глазами, полными щенячьего подросткового ужаса. От парня во все стороны поползло тёмное сырое пятно, посверкивая на незатоптанных бугорках новенькой, укатанной накануне асфальтовой крошки.

Степан протянул пострадавшему мужчине руку, предлагая подняться.

– Пойдёмте, – сказал он, сдерживая волнение, – кто знает, сколько их ещё.

Мужчина, крихтя и держась за стену, поднялся, перешагнул через мокрого стручка, отыскал глазами и поднял портфель. Затем, опираясь на руку Степана, он сделал неуверенный шаг в сторону:

– Пойдёмте. Кажется, вы меня крепко выручили.

Степан окинул прощальным взглядом поле сражения и, поддерживая под руку помятого великана, зашагал прочь. Один раз ему всё же пришлось обернуться. Парень, похожий на раненого волчонка, полз в темноту переулка и жалобно выл:

– Бабло, бабло хилает...

Они шли по пустынной Ордынке. Спасённого мужчину то и дело рвало. Каждый раз, вытирая платком лицо, он виновато поглядывал в сторону Степана и говорил: «Простите, не знаю, что со мной». «А я знаю! – улыбался в ответ Стёпа, пытаясь расштопать неловкость момента. – Вы поскользнулись, упали, к вам подбежали пионеры, хотели втроём поднять дядю. Тут явился я и, как всегда, всё испортил!»

– Я не могу идти, – мужчина присел на выступ фундамента и вытянул вперёд правую ногу, – кажется, они мне повредили коленку.

– Спокойно, концентрируем внимание! – Степан взмахнул руками, превращая ладони в источники положительной энергии. – Абра-вибра-таксомоторра!..

Действительно, буквально через пару секунд со стороны метро «Третьяковская» вынырнула машина с зелёным огоньком.

– Что я говорил! – Степан приветливо махнул рукой кому-то в небе. – Едемте ко мне, вас надо привести в порядок.

Расположив спутника полулёжа на заднем сидении, он подсел к водителю. В это время метрах в ста от машины из переулка вывалилась на пустынную «тропу войны» толпа пацанов. За головами первых Степан увидел одного из трёх битых стручков. Сверкнули металлические прутья. «Мобильные ребята, – присвистнул Стёпа и, обернувшись к водителю, с ленцой в голосе добавил, – шеф, видите вон ту группу подростковой молодёжи? Да-да, именно, с фрагментами металлической ограды? Лично мне они напоминают ваганьковский бюст Япончика, расколотый и розданный братве на сувениры».

– Мне тоже! – хохотнул таксист.

– Однако нам пора, – Степан заметил, что толпа развернулась к машине, – Большая Татарская, двадцать. Гони!

Такси взвизгнуло протекторами и, набирая скорость, угрожающе двинулось навстречу ораве молокососов, запрудивших Ордынку. Не ожидая атаки, те шарахнулись в стороны, и «абра-вибра-таксомоторр» беспрепятственно промчался сквозь стрелчатый кордон металлических прутьев в сторону Серпуховки.

– Наш человек! – Степан одобрительно хлопнул таксиста по плечу. — Жизнь продолжается, господа присяжные заседатели!

Часть 2. Степанов мебельный салон

Одной рукой придерживая портфель, другой цепляясь за перила, мужчина поднимался по бесконечно долгому лестничному маршу. Несколько раз Стёпа предлагал помощь, но получал вежливый отказ.

– Ну и правильно, – заключил Степан, – на мелководе спасение утопающего – личное дело его собственных рук. Если увидел чайку, надо не мешкая встать на четвереньки, упереться руками в дно и ползти к берегу. Главное – правильно выбрать направление!

– Будет вам смеяться, – улыбнулся мужчина, – лучше примите портфель. Деньги – штука тяжёлая.

Они поднялись на третий этаж и вошли в опрятную коммунальную квартиру. Некогда просторный коридор, уставленный древними шкафами и тумбочками, напоминал мебельный зал антикварного магазина. Прихожая расходилась на два отдельных коридора. Один вёл на кухню, другой – куда-то в глубину квартиры, видимо, в ванную комнату. Особый запах исторической мебели свободно гулял по узким проходам между стеклянными и глухими дверцами шкафов.

– Это всё моё! – опережая вопросы, сказал Стёпа. – Не могу ничего с собой поделатъ, как увижу что-то старое, бегу занимать деньги. А-а, вот и мои девоньки!

В дверях, расположенных друг напротив друга, показались две сморщенные старушечьи головки. На одной из них пестрел расшитый бисером голубой сатиновый платочек, на другой возвышался старомодный белоснежный чепец. Держался чепец на двух лентах, завязанных в узел под подбородком.

– Разрешите вам представить: Авдотья Эрастовна, – Степан сделал реверанс в сторону старушки в сатиновом платочке, – и несравненная Пульхерия Модестовна!

Он подал руку старушке в чепце, и та, нимало не смущаясь, вышла в своей длинной белой ночной рубашке на середину коридора и обратилась к гостю в дверях:

– Вы чаю будете?

– Пульхерия Модестовна, вы великолепны! – дружелюбно захохотал Степан и вдруг принял серьёзный и даже несколько растерянный вид.

– Дружище, а ведь мы с вами даже не познакомились. Я не представился, не предложил сесть, вам же больно стоять! Вместо элементарного человеколюбия устроил цирк. Прошу меня простить, – он протянул руку, – Степан.

– Георгий, – ответил мужчина, пожимая Степану руку и одновременно оседая на предложенный табурет.

– Пока готовится чай, я провожу вас в ванную. Вам надо тёплой водой хорошенько смыть признаки асфальтовой болезни и переодеться. Здесь у меня куча одежд брата, он такой же, как вы, толстый, могучий и, наверное, умный. Пойдёмте.

Несравненная Пульхерия Модестовна приготовила чай на изящный старорежимный манер. Она любовно накрыла стол на две персоны, разложив ложечки, щипчики для сахара и всевозможные розетки для варенья, мёда и орехов. Не признавая чайные пакетики, старушка заварила из смородиновых листьев ароматный чай цвета чеховской вишни. Накрыла заварной чайник забавной ватной куклой и рассыпала по вазочкам недорогие конфеты и пастилу. Когда всё было тщательно приготовлено, она что-то шепнула Степану на ухо. «Хорошо-хорошо», – ответил ей Стёпа. Затем Пульхерия Модестовна лёгким наклоном головы попрощалась с гостем и вернулась в свою комнату.

Георгий, переодетый в чистую добротную одежду, походил на благополучного буржуа, спустившегося из рабочего кабинета в гостиную на зов распорядителя чайной церемонии. Он ещё прихрамывал, но повреждённая коленка после ванной процедуры вела себя вполне прилично. Единственное, что его по-настоящему беспокоило, – это были синяки на правом боку, вздувшиеся после ударов ботинками. Ботинки были, видимо, с металлическими набойками, потому что, кроме синяков, на коже остались царапины. И это несмотря на велюровый пиджак и плотную фланелевую рубашку.

– Георгий, давайте на «ты», в бою так проще! – улыбнулся Степан, наливая гостю чай.

– Какой из меня вояка, писарь я мелкотёртый. Кроме кисточки да ложки, никакого другого оружия в руках и не держал.

– Художник, что ль?

– Вроде того. А вы, простите, а ты?

– Я? Да я и того хуже. В советское время служил журналистом. Как скинули с социалистического броневика батьку Ленина со всем его учением, подался было по совету Бендера в управдомы. Но в ихнем капиталистическом общежитии место мне нашлось только в гардеробе. Стал я всякой сволочи польты подавать. Они мне чаевые суют, а я не беру. Один раз, правда, попробовал, больно жрать захотелось, так совесть желудком пошла. Облевал я, прости Господи, евойного песца по самое немогу. Тот в скандал, вцепился, как клещ, всю грудь мне моей же блевотиной, гад, и перепачкал. Я ему говорю: «Отойди, дядя», – не понимает. Ещё раз говорю: «Отойди, родной!» – не понимает. Третий раз повторяю, но уже со всего размаху. Падает, кричит. Ну, все ко мне. А меня уже разобрало. Тут теннисный мячик подвернулся. Схватил я его, поднял руку и ору: «Стой, мразь постсоветская! Взорву всех на хрен!» Так не поверишь, попадали от страха, друг за дружку попрыгали, ну прям как сардины, ежели косяк затралить! Противно стало. Плюнул я на их сытый гардероб и ушёл. И теперь... Разрешите представиться: лишний человек. Ни работы, ни друзей, полна горница старух. На их чаевые и живу. Знаю, что похоронные, ан не рвёт, как от тех новороссийских соплей, – загадка!

– Выходит, я жирую там, где ты лапу сосёшь, – задумчиво произнёс Георгий. – Я, Стёп, церковный художник. При Советах жить трудом на церковь – нельзя было и думать. Теперь –

пожалуйста! Кстати, вон в том портфеле, – Георгий указал на коричневое пятно, брошенное в прихожей, – двадцать четыре тысячи рублей. И хотя по большей части это не мои деньги, ты можешь ими распорядиться, как своими. Добыл их ты, значит, они принадлежит тебе. —

Георгий умолк и занялся новой порцией чая.

– Вроде как контрибуция, что ли? – ухмыльнулся Степан.

– Ну да, вроде того.

– Э-э, нет, эдак мы и до людоедства дойдём, ежели будем друг на друга как на добычу смотреть. А потом, Егор, – ничего, если я так, по-простому? – ты же сам их спровоцировал. Шляться ночью по голодной Москве со сладким пирогом! Да тут не то что зверя, тут человека можно задразнить до зверя. И ещё. Бандит – точно такой же продукт эволюции, как и ты, только ты художник и получил в наследство от Фидия нюх на красоту, а он получил от Бендера или самого Соломона нюх на деньги. Чему ж тут удивляться?

– Степан, давай святых не трогать. У них с миром свои расчёты.

– Прости, увлёкся. Э-э, да ты спишь! Звони, чтоб тебя не ждали, – и баиньки. Пойду постелю.

– Да мне, собственно, звонить-то некому. Живу один, как Фидий.

– Как и я! Журналист из несуществующей газеты уже несуществующей страны. Брр! Во ляпнул, врагу не пожелаешь...

Степан сказал Георгию сущую правду. По окончании МГИМО он за резвое поведение на выпускных семинарах был распределён куда подальше от вожаемой заграницы и на несколько лет обосновался внешкором в Ивановской областной газете. Подступало «светлое будущее», все говорили о необходимости перестройки, гласности, демократии. Журналистскую братию трясло от профессионального предвкушения великой смуты. Редкие трезвые умы с опаской поглядывали на собратьев по перу, пьянеющих от запаха свободы. Никакой чёткой доктрины будущих хозяйственных связей попросту не было. Политическое переустройство страны мыслилось от противного. Нынешний бессмысленный анархистский лозунг «Против всех!», пожалуй, был бы под стать умонастроениям того времени. Все в один голос твердили «Демократия!», мало понимая, что это лукавое слово способно демонтировать спасительное для русской государственности понятие «вертикаль власти».

Степан был одним из немногих крохотных порохов на пути разбушевавшегося демократического селя. В стране барражировал 1991 год. Год первой демократической, вернее, капиталистической революции в России. Вожди взбирались на танки, интеллигенция неистовствовала в стремлении очередного народничества, народ глухо шептался по кухням и накапливал злость фактически на самого себя.

Умницы, люди фундаментального склада ума как-то вдруг стали не нужны ни стране, ни корпоративным интересам большого производства. Умело подготовленная смена власти потянула за собой в трясину неведомой никому перестройки тысячи тысяч хозяйственных нитей и государственных судеб.

Областную газету, где подвизался Стёпа, закрыли за ненадобностью. Не получив даже расчёта по накопившимся гонорарам, Степан вынужден был вернуться в Москву.

Однако столица, увлечённая меркантильными политическими интересами, не очень-то обрадовалась его возвращению. И хотя Стёпа считал себя политическим докой (как-никак МГИМО за спиной!), он ничего не понял в новом московском миропорядке. Казалось, несуразица новейшего времени вот-вот лопнет, как мутный мыльный пузырь. И тысячи челноков с элитным высшим образованием, побросав в священный костёр интеллектуальной инквизиции коробки с колготками и памперсами, вернутся на своё рабочее место, заварят крепкий

кофе и продолжают интегрировать в интересах человечества мерзкие и безжалостные дифференциалы Ельцина-Дарвина.

Так, кстати, тысячи русских интеллигентов, бежавшие от Советов в первые годы пролетарской диктатуры, ждали со дня на день краха нового российского порядка и возможности вернуться в брошенные жилища. Многие даже не распаковывали вещи...

Увы, природа человека непредсказуема. Порой она тверда, как гранит, и, что бы с ней ни происходило, её внутреннее естество будет лишь ещё более твердеть и твердить до последнего вздоха: «А всё таки она вертится!» А порой стадное чувство самосохранения побеждает индивидуальное чувство брезгливости, и тогда толпа единокорцев превращается в безликий пипл, который, по меткому определению одного из отцов перестройки, «всё схавает»...

Степану потребовалось некоторое время, чтобы изжить последние иллюзии и надежды на возвращение прежнего, пусть далеко не идеального, общественного благоразумия. Когда же пустота нового российского замысла поглотила его ближайшее окружение и реально подступила к границам личности, он занял круговую оборону, выбрав для защиты, как рассудил, наиболее эффективное оружие – уход в самого себя.

Перебиваясь случайными заработками, наш герой погрузился в литературу. Написал несколько публицистических заметок, пару раз постучался с ними в редакции патриотических газет и, получив странные немотивированные отказы, окончательно захлопнул дверь родной коммунальной квартиры. Но писать продолжил. Он понимал, что пишет заведомо в стол, сравнивал свои действия с отчаянной попыткой Робинзона дать о себе знать бутылкой, брошенной в море.

Степан словно разговаривал с неизвестным будущим доброжелателем, для которого всё написанное им сейчас когда-нибудь оживёт и станет исторической путеводной звездой в понимании ныне случившегося.

Добровольному отшельнику исполнилось всего-то тридцать лет, но внутренняя сосредоточенность и умение расштопать словами мудрёные узелки человеческих нестроений были в нём сродни раннему гению Лермонтова. Однако утешение от произвола судьбы, которое он находил в занятиях литературой, вскоре уступило место традиционным писательским угрызениям совести. Степан ощутил силу проникающей способности слова. В прокуренных аудиториях института и за шторами МИДовских интерьеров он даже не предполагал наличие огромных окон, через которые поздно вечером можно наблюдать звёзды! Годы обучения были подчинены одной негибкой цели – научиться держать удар и опрокидывать противника эффективным словом, отстаивая интересы Родины. В подобной перепалке слово превращалось в бильярдный шар, в безликий носитель результата игры. Теперь же Стёпа всматривался в слово, как восторженный физик рассматривает ядро материи и пишет цепочки формул, предсказывая его деление, до поры скрытое в сгустке застывшей, ещё никем не тронутой энергии.

Часть 3. Под самое небо

Иконописная «родословная» Егора – история поучительная! В прошлом выпускник физического института (окончил знаменитый МИФИ), Егор по распределению оказался в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова. Подавал серьёзные аспирантурные надежды. И всё бы хорошо, да только приключилась с ним обыкновенная «хворь» русского интеллигента – болезненный выбор самого правильного пути в жизни. Западный человек на такое не способен. Родовитость, клановость, наконец, семейная традиция – основы западного менталитета. Русский же человек с молоком матери впитывает непостижимым образом огромное чувство ответственности за всё происходящее на Земле. Ему ничего не стоит поступиться национальными интересами ради всеобщего блага. Точно так же он с лёгкостью оставляет наезженную житейскую колею и истины ради переступает на зыбкую трясину околицы. Почему?

Да потому что он уверен: не со стороны большака, а именно там, за околицей, встаёт солнце, и значит, светлое будущее начинается раньше! Гораздо раньше!..

Нечто подобное произошло и с Егором. Уже «на склоне студенческих лет» ему припомнилось детское увлечение художеством. На лекциях стал он срисовывать смеха ради со студенческих билетов физиономии товарищей. Получалось прикольно! Выстроилась целая очередь желающих получить «документальный портрет» от лучшего художника на курсе! Егор никому не отказывал и с каждым новым «портретом» всё реже прислушивался к звукам, доносившимся с кафедры, и всё чаще удивлялся возможности карандаша оставлять на листе житейский следок.

Как-то вечером, возвращаясь окольным путём домой, набрёл он на обыкновенную районную изостудию. Зашёл, поговорил, приняли. Через пару занятий «подсел на мольберт», почувствовал вкус линии и чарующий запах краски...

Уже в Курчатнике он понял, что искусство – это и есть его окончательное предназначение, поставил крест на мысли об аспирантуре, без сожаления оставил физику и, как в омут, нырнул в незнакомое пахучее художество, имея за плечами неоконченный курс рисования студийных гипсов и пару одобрительных отзывов преподавателя изостудии.

Уволившись из Курчатника, Егор перепробовал ворох случайных и неожиданных для самого себя работ. Кем он только не занимался! Критерий всякого будущего трудоустройства был один – количество свободного времени для занятия художеством.

Прошёл год. Однажды приятель пригласил в круиз на пароходе по Северному речному пути. Так Егор оказался в Кирилло-Белозерском монастыре. На стене одной из надвратных церквей он увидел древнюю фреску. Это было изображение Богородицы с Младенцем. Движение Божией Матери, рисунок Её руки, обнимающей Младенца, поразили «юного» художника. Такого рисования он не знал. А так как все процессы совершались в Егоре на повышенных скоростях, в тот же день он заболел древнерусской иконографией! Вот ведь оказия – окольным северным путём Господь привёл его к церковному художеству.

Древняя каноническая живопись, её философия и математические методы построения пространства изображения оказались в сильнейшем резонансе с его внутренним художественным чутьём.

Когда Егор писал натюрморт или рисовал натуру, он не испытывал того внутреннего восторга, каким Господь награждал его, как только он подступал к церковному изображению. Глядя на полотна Левитана, Врубеля или Ван Гога, наш герой ощущал перед ними личную художественную недосказанность. Это его мучило, он частенько впадал в отчаяние от собственной невозможности дотянуться до их мастерства, вернее, до той правды, которую он видел в каждом мазке великих мастеров.

И вдруг первое же знакомство с канонической живописью, с обратной перспективой подарило ему радостное чувство личной творческой свободы. Ничего ещё толком не понимая в иконописании, он уже знал главное: где кончается изображение этого мира и где начинается настоящее горнее художество. Применительно к музыке эта врождённая способность проникать сквозь незнание вглубь предмета называется абсолютным слухом.

Не удивительно, что продвижение Егора по извилистой иконописной вертикали отчасти напоминало феерическое восхождение пророка Илии в огненной колеснице. То, что иконописцы постигают годами, Илье давалось за считанные месяцы.

Есть мудрая поговорка: «Чем дальше в лес, тем больше дров». Действительно, ангел канонической живописи (не путайте с капризной житейской музой!) без лишних объяснений повёл Егора в исторические глубины древнего письма.

Знаменитые русские иконописцы Дионисий и Рублёв «указали» ангелу дорожку к истокам древнерусского художества – сокровищам Византии.

Егор занял деньги и отправился в Турцию, в город императора Константина – Константинополь, ныне переименованный турками в Стамбул. Отправился ради одного шага – взглянуть на величайший храм всех времён – Святую Софию Константинопольскую. Он хорошо знал Софию, изучил Её по сотням фотографий и восторженных описаний, но то, что ему довелось увидеть своими глазами, превзошло все его догадки и предположения. Он увидел само небо! Как турки ни старались унижить Софию, как ни срывали позолоту, как ни вешали свои назойливые акбары, они ни на йоту не приблизились к цели. «Унижить Софию невозможно!» – в слезах повторял Егор, оглядывая её небесное величие.

Так «профессиональная участь» Егора была решена – бессрочный и пожизненный иконописец!..

Наступило утро. Степан взялся угостить Егора настоящим бразильским кофе.

– Ваши планы? – спросил он, выслеживая пенку.

– Мне надо в храм. Вы, милостивый государь, отказались взять деньги. Значит, мне следует отнести их по назначению и раздать художникам.

Степан резко обернулся к Егору.

– А если бы я принял положенную мне контрибуцию, что бы вы, милостивый государь, делали тогда?

– Пошёл бы в банк и оформил ссуду.

– За проценты?!

В это время вспенился коварный бразильский кофе. Стёпа бросился к кофеварке. Егор с любопытством наблюдал, как сто граммов латиноамериканского порошка повергли в трепет бесстрашного героя ночной переделки.

Когда остатки кофе наконец были разлиты по чашкам, Степан попросил:

– Возьми меня! Нет, правда, возьми меня с собой, – он спрашивал и одновременно о чём-то думал, – я – худой материалист, в смысле, хороший безбожник. Но в последнее время со мной происходят странные вещи. Иду, чувствую, будто ветер в спину. Что такое? Гляжу, впереди церквушка посверкивает. Подхожу. Постою-постою у ворот да иду дальше. Неловко зайти. Внутри-то весь чужой. А как отойду от неё, ветер давит на грудь: «Стой, – говорит, – человеке, не пушу одного!» Нелепо как-то. Что скажешь?

Егор посмотрел на Степана, с минуту подумал и ответил:

– Правда смешной не бывает. Или ты всё это придумал, или тебе вправду нелепо, а признаться в этом страшно. Ты – человек сильный, страхам волю не даёшь. Но за всякое насилие, тем более за насилие над самим собой, нормальному человеку становится так или иначе неловко перед Богом, даже если он считает, что Бога нет. Это как кичиться силой в присутствии силача.

– Ого! Будет о чём поговорить за рюмкой чая! – Степан откинулся на спинку стула. – Ну так что, берёшь?

– Едем.

Они вышли из метро «Арбатская» и направились в сторону Калининского проспекта. Под огромной многоэтажкой уютилась древняя пятиглавая церковка. Купола, крашенные в зелёную строительную окись хрома, сверкали на солнце. Белёные стены празднично выделялись на сером фоне городской застройки.

– Нам сюда? – Степан поглядывал на храм через плечо Егора.

– Ну да. Запоминай: храм преподобного Симеона Столпника.

– Преподобного Симеона Столпникова.

– Да не Столпникова, а Столпника, столп, понимаешь?

– Ладно. Насчёт «понимаешь» – это ты круто. И что, мы прямо в храм зайдём сейчас?

Егор внезапно остановился.

– Ты сам как думаешь, зачем мы здесь?

– Прости, – Стёпа отвёл глаза, – собрался.

Егор перекрестился, открыл дверь и прошёл в храм. Степан на уровне груди произвёл какие-то полумагические движения и последовал за Егором.

Полумрак трапезной залы, аромат кадящего ладана и тихие шёпоты прихожан необычайно сильно подействовали на Стёпу. Отсутствие «предрассудков» и ощущение собственной интеллектуальной значимости, проще говоря, то, что всегда защищало его от давления окружающей среды, вдруг пошатнулось и стало на глазах рассыпаться, как картонные пазлы. Ничего подобного он не ожидал. Он стал задыхаться. Не чувствуя ни аромата благовоний, ни приятной свежести работающего кондиционера, Степан буквально вывалился наружу. Минут пять он приходил в себя. Кровь стучала в висках, а руки походили на две переломанные жердины, не способные держать даже легчайший рюкзачок, с которым он никогда не расставался, выходя из дома.

«Не дури, паря. Повернулся и пошёл в храм!» – приказал себе Степан и на автомате поспешил обратно.

– Ты куда пропал? – шепнул ему на ухо Егор. – Пойдём, покажу главное.

Он повёл Степана из трапезной в четверик, уставленный по периметру металлическими лесами. Деревянные лестницы затейливо переводили взгляд с яруса на ярус и, как змейки, поднимались вверх под самый купол. Четыре нешироких оконных проёма наполняли храм тихим рассеянным светом. Сквозь полумрак вертикали можно было разглядеть фрагменты живописи на своде. Всё это придавало пространству четверика неземное очарование, а строительные конструкции воспринимались как части некой космической матрицы.

– Здорово! – не удержался от восторга Степан. – А можно туда?

– Можно, только осторожно. Смотри под ноги, – ответил Егор и полез на высоту первым.

На последнем, шестом ярусе лесов, под самым куполом храма Егор включил софиты. Свод мгновенно ожил и заиграл красками. Степан от неожиданности чуть не повалился обратно в люк. Ему показалось, что молчаливое до того звёздное небо вдруг очнулось и заговорило тысячей разновеликих голосов. Егор был доволен. Он хорошо знал, как действует церковная каноническая живопись при лобовом столкновении с житейским мироощущением. Это эмоциональный шок! Будто сама Вселенная расправляет над вами голубой зонтик. Такое переживается только в натуре. Любое, даже самое талантливое описание чувства, испытываемого человеком при встрече с горней живописью, обращается в литературную схоластику. Оно не в силах передать и сотой доли внутреннего созерцательного волнения.

– И что, вы каждый день здесь среди всего Этого?.. – Степан с трудом находил правильные слова.

– Сначала были просто пустые стены. Впрочем, не совсем так. Когда долго смотришь на стену, начинаешь видеть в ней скрытые изображения. Тут важно не торопиться. Храм – это по сути небо на Земле, райский Эдем. Обустраивать Его по своему разумению нельзя. Надо уметь всматриваться и вслушиваться...

– Красиво говоришь, – перебил Егора Степан, – но твои ля-ля, уж прости нас, дураков, мне профнепригодны. Сколько я ни стой перед пустой стеной, ничего, кроме серой штукатурки, не увижу. Выходит, чуют Божественное присутствие – дело избранных. Так, что ли?

Степан почувствовал внутреннее облегчение, незаметно для себя пересев с крылатого Пегаса на привычного самодовольного конька. Голова перестала кружиться. Ощущение чуда исчезло. Вихрь космического миропорядка вдруг превратился в статичный видеоряд непонятных цветных комиксов.

– Ладно, – Стёпа для приличия ещё раз оглядел свод и, не дожидаясь ответа Егора, начал спускаться.

– Будь осторожен...

Не успел Егор договорить фразу, как услышал грохот и плеск разливающейся жидкости. Он сбежал по ступенькам и увидел Степана, застрявшего в проёме строительных лесов, выпачканного с головы до пят серой краской. Над его головой, на узенькой площадке, покачивалось опрокинутое ведро. Слой густого серого концентрата, посверкивая в свете ramпы, медленно стекал по ступенькам за шиворот новоиспеченного «художника». Но самое забавное заключалось в том, что Степан, преодолев испуг, обиду и неловкость положения, широко улыбался и казался совершенно довольным. Егор невольно улыбнулся в ответ Степану:

– С крещением!..

Через полтора часа отмытый и переодетый Степан пил чай в крохотной чайной комнате, выгорженной в трапезной храма гипсокартонной фальшстеною.

– Скажи честно, зачем ты разлил краску? Она денег стоит, – Егор глядел на Степана, невозмутимо расщёлкивающего одну баранку за другой.

– Да как тебе сказать. На меня вдруг такая серость напала! Что же это, думаю, опять меня учат, как школяра. Неправда, нет тут никакого Бога! Вечно мы путаем врождённое правдоискательство и наше неистребимое желание всё, даже собственную жизнь, утвердить у начальства. И так-то меня разобрало. Не-ет, думаю, не отдам я вам мою личную свободу, себе оставлю! С этими словами я вспорхнул, как птица, с лестницы и...

– И приземлился, так сказать, в свободном падении.

– Да, именно так.

– Знаешь, как называется краска, которую ты использовал для крещения?

– У этой бесцветной грязи есть название?

– Есть. Эта краска называется рефть. Запомнил?

– Так я и знал...

– Ничего ты не знал! – рассмеялся Егор. – Эта бесцветная грязь – знатная штука. На ней вся наша живопись держится.

– Что-то вроде глины для человеков?

– Верно! Рефть кладётся под синий цвет, под красный, иногда даже под жёлтый. И если эту «грязь» поварить с охрой, чтоб вышло теплее, или, наоборот, остудить, добавив голубца, – поверь мне, живопись начинает благоухать, как борщ на плите!

– Согласен. Сегодня я Богу проиграл. Ничего! Предлагаю Всевышнему серию из двадцати партий до одиннадцати побед. В случае ничьей победа присуждается мне как младшему по возрасту!

– Типун тебе на язык, товарищ Бендер. Нам пора.

Часть 4. Разговоры, разговоры...

Они стояли за небольшим круглым столиком в кафе-пирожковой на углу Вальной улицы и небольшого переулочка, идущего вдоль фабрики «Парижская коммуна» к обводному каналу. Место было простое, привокзальное, рабочее. Только что закончился пересменок на «Парижке». Через витрину кафе наши друзья наблюдали, как женщины по одной выходили через турникеты на улицу и молча, не прощаясь друг с другом, разбредались кто куда. Им навстречу спешили новые толпы работниц. Это были свежие энергичные дамочки, они кокетливо поправляли повязанные платочки и весело болтали, поднимаясь по ступеням парадного крыльца к дверям фабрики.

Редкие мужчины (обувная «Парижка» – фабрика женская) неловко просачивались между теми и другими и торопливо шли в пирожковую. Здесь они брали пиво и, раскурив «Беломор» или «Приму», чинно приступали к питейному разговору. После второй-третьей кружки мужики ненадолго исчезали и возвращались с оттопыренными карманами, из которых выглядывали остроконечные жерла сорокоградусных гаубиц. И тогда начинался реальный бой с обстоятельствами этой унылой и однообразной жизни, бой безжалостный, до последнего копейного патрона.

– Может, пойдём отсюда? – произнёс Егор, вглядываясь в пустую, будто вымершую проходную. – Тысячи литров свежего пышногрудого горячего только что проглотил этот огромный «парижский» монстр. Сейчас он урчит, внутри него всё движется. А через восемь часов откроет он свои проходные, выпустит отработанный человеческий материал и зальёт новую партию дамской силы.

– А у тебя разве не так? – прищурился Степан, отхлебнув пиво. – Утром, полный сил и творческих замыслов, тыходишь в храм. А вечером, смертельно уставший, сползаешь с лесов и тащишься домой, пересчитывая в метро каждую ступеньку.

– Так и не так. Моя работа – живописный диалог с Богом. Я пытаюсь с Ним говорить в меру моих скромных сил, Он же отвечает в меру моей понятливости. А тут станок, план, выработка.

– Опять слышу, прости, вечное интеллигентское ля-ля. Народник нашёлся! Выходит, ты такой же «люден», как и братки Стругацкие, или, на худой случай, «прогрессор»? Мы – особенные, мы допущены говорить с Богом! Не то что эти свистушки у станка, расхожий материал для репродукции биоматериала.

– Прекрати!

– А что, разве не так?

Егор приготовился произнести монолог о корневом человеколюбии, как вдруг огромный рыхлый мужик, мирно дремавший за соседним столиком, стал оползать вниз и терять равновесие. Не просыпаясь, он повалился на Степана и, падая, рукой смахнул со столика наших героев весь их нехитрый натюрморт. Четыре кружки и пара тарелок с креветками вдребезги разбились. «Эй, вы там! Ну, блин!.. – взвизгнула женщина за прилавком. – Деньги на бочку за раскол посуды!»

– погоди ты! – огрызнулся Степан на крикушу. – Егор, пособи.

Наши герои подхватили мужика за плечи и, отшвыривая ботинками в сторону битое стекло, оттащили его поближе к выходу. Мужик продолжал спать, привалившись спиной к стене и широко раскинув длинные толстые ноги. Посадить беднягу оказалось не на что, в зале не было ни одного стула.

Покончив с человеколюбием, наши друзья стряхнули с одежды брызги пива, расплатились с буфетчицей за раскол посуды и поспешили к выходу. На улице Степан расхохотался.

– Знаешь, чего мне сейчас особенно жалко? Думаешь, пива с креветками? Н-нет! Жалко, что я ничего не знаю про того мужика на полу. Может, мы русским Диогеном пол в пивнушке подтёрли! Нехило?

– Нет, такой в бочку не влезет, – усмехнулся Егор.

– Точно Диоген! – Стёпа шлёпнул себя ладонью по лбу. – Помнишь, она ещё сказала «Деньги на бочку!» Они друг про друга всё знают. Это мы с тобой как чужие среди собственного народа. Анализируем, экстраполируем, а они знают!

С минуту Степан молчал.

– Они знают, что будет с ними завтра, – ничего не будет, если, конечно, какой-нибудь люден вроде нас с тобой не позовёт их на войну или не устроит им новый Беломорканал. Лиш-

него, сверх житейского, им знать необязательно, даже нежелательно. Они радуются, когда приобретают, и плачут, когда теряют. Они тиранят собственных детей, воспитывая их под себя, копируя в них свой огрубевший с годами менталитет.

– Тебя понесло. Я встречал немало светлых людей среди простых прихожан. Однако то, о чём ты говоришь, меня самого давно занимает. С некоторых пор я перестал понимать смысл эволюции. В юности меня увлёк образ славного Руматы Эсторского, эдакого просвещённого гуманиста из будущего. И только много позже потребовалась чеченская война, чтобы я наконец осознал весь ужас того, что совершили Стругацкие. Ведь целые поколения думающих людей они заманили в тупик, из которого выход только один – смерть.

– А ну-ка с этого места подробнее! – Степан присел на парапет уличного ограждения.

– Пожалуйста. Много лет я был очарован идеей эволюции, постепенного преображения человека из варвара в истинного гуманиста. Я бы назвал это заблуждение «дарвинизм а-ля Стругацкие». И мой зомбированный разум не смущали, так сказать, исторические противопоставления. Я изучал великое искусство Египта, античность, русскую икону. Мне не приходило в голову простое соображение: если мы такие продвинутые и во всём превосходим наших далёких предков (ведь мы на новом витке спирали), почему же в искусстве мы не можем совершить и сотой доли того, что делали они, тёмные представители прошедшего времени? Я понимаю, развитие наук и технологий – это козырь. Вот оно, светлое будущее! И мне не придётся больше выгребать фекалии из ямы во дворе. Изящный унитаз «а-ля Гауди» по форме моей задницы всё сделает за меня в лучшем виде. Так вот. Стругацкие, как два чёрных кардинала, выстраивали таких, как я, гуманоидальных технократов в шеренги, вручали им автомат-ассенизатор Калашникова и говорили: «Впереди светлое будущее – в атаку!» Братья были уверены, что никто из новобранцев не развернётся назад и не нажмёт на спусковой крючок, потому что все хотят сытно жрать и баловать ум щекотливыми прожектками. А братки им с каждой новой книжкой подбрасывали одну и ту же мысль: там, в светлом будущем, – всё самое интересное и сытое. Чем не интеллектуальная колонизация?

Вот только обморок ума, как и любая книжка, рано или поздно кончается. Наступил 1991 год. Я и такие же, как я, книжные гуманоиды содрогнулись от ужаса перед разорвавшейся, как бомба, человеческой жестокостью. Как же так? Ведь согласно аксиоме Стругацких времена римских ристалищ канули в Лету! Не может современный человек творить зло себе подобному. Ан нет, оказалось, очень даже может. Тут и подзабытая отечественная война вспорхнула с книжных полок и раскрылась на произвольной странице, заполненной до краёв не только человеческим мужеством, но и человеческим безумием. Оказывается, никаким просвещённым коммунарком человек не стал. Был он варваром, им же по существу и остался. Припорох либеральных философий слетает с нас в момент личной опасности, как цветочная пыльца с любопытного носа.

И тогда я подумал вот что. Если человек не меняется и не становится лучше, в чём смысл исторической смены поколений? Бог – не безрассудный садовник. Ему не нужны наши атомные реакторы, ему нужен человек. Он не будет каждые двадцать пять лет засеивать поле, чтобы собрать урожай, равный потраченному на посев зерну.

Ты не представляешь, сколько времени мне потребовалось, чтобы решить эту элементарную задачку!

– Хватит интриговать. Впрочем, кажется, я и сам уже догадался. Что-то вроде качества, отжатого из количества.

– Именно! Всё как на золотых приисках.

– Бог – золотодобытчик?..

– Именно, Стёпа! Он промывает каждое поколение, как участок золотоносной жилы. Если встретятся одна-две крупницы золота, Бог радуется и забирает себе. Прочее возвращает обратно. Люди, ставшие великими через самоотречение, страдания и жертвы, и есть те самые

людены, насельники новых времён. Но это не высокоразвитые снисходительные технократы, которым поют дифирамбы Стругацкие. Нет, те давно перегрызлись и уничтожили друг друга. Это совершенно иной тип человеческой расы. Это...

– Стоп. Ладно, про тех, кто страдал, я не спорю, хорошие были ребята. А скажи мне: как Богу следует поступить с Сократом, Ломоносовым, Горьким, Ван Гогом, наконец? Не правда ли, достойные кандидаты на рай, хотя бы в шалаше? Кстати, – Степан улыбнулся, – как-то незаметно ты разговорил меня о бессмертии души. Впрочем, почему нет? Одно смущает – слишком простенько всё, слишком ясненько. Слабоалкогольный пивной синдром – опасная вещь, можно совсем голову потерять. Но разговор начат, и, кажется, мы оба не в силах его остановить!

Часть 5. Порфир

Метрах в десяти от наших героев, у входа в пирожковую остановился милицейский «воронок». Два стража порядка выпорхнули из машины и вошли в кафе.

– Опоздали. Нас там уже нет! – ухмыльнулся Степан.

Через минуту створки дверей распахнулись, и менты выволокли под руки громилу Диогена. Мужик мотал головой, видимо, получив пару хлёстких пощёчин, но ноги его не слушались совершенно. Щуплым на вид ментам пришлось подсесть под собственную жертву и тащить буквально на себе.

– Нормальные ребята. Другие бы волокли прямо по асфальту, – заметил Стёпа.

Вдруг он резко выпрямился, бросил Егору:

«Стой здесь. За мной не ходи» – и быстрым шагом направился к УАЗику.

– Товарищи старшины, – улыбнулся Степан, глядя на девственные, не тронутые лычками погоны милиционеров, – оставьте мужика! Я его знаю, отвезу домой в лучшем виде. И вам за зря силы не тратить!

– Нельзя, мы по вызову, – ответил один.

– Так я расписочку напишу. Мол, принял в лучшем виде. Вот мой паспорт, – Стёпа достал из кармана документы и блокнот.

– Ладно. Как его зовут, ты хоть знаешь?

– Знаю. Диоген.

– Какой ещё Диоген? Нет такого имени, – мент сдвинул брови.

– Как это нет? Это греческое имя, по-русски оно звучит просто Гена, Геннадий. А «дио» – значит двусторонний, ну типа Микис Теодоракис, что ли.

– Теодоракис, говоришь? Может, и тебя забрать, видать, ты тоже двусторонний? Там старшине всё и объяснишь?

– Нет, ребята. «Дио» ещё значит свобода. Мы советские люди, нам бояться нечего!

– Ладно, пиши писулю, да поедем мы.

Милиционеры привалили Диогена к парапету здания. Мужик проснулся, мотнул головой и вполне прилично произнёс: «Я в порядке».

– Ну вот видите, граждане начальники, у нас полный порядок, – сказал Стёпа, дописывая паспортные данные. Милиционеры улыбнулись, приняли рукописный документ и направились к машине. Одна за другой хлопнули двери, «воронок» заурчал и тронулся. Когда машина поравнялась со Степаном, один из милиционеров приоткрыл дверь и крикнул:

– Когда поведёшь его домой, не забудь по дороге зайти в хозяйственный.

– Зачем? – удивился Стёпа.

– Как зачем? Ты ж ему бочку обещал купить!..

Машина умчалась за поворот. А Стёпа всё стоял, ворошил волосы и глядел вслед, почёсывая затылок.

Егор издали наблюдал за товарищем. Он вдруг почувствовал к этому могучему разгильдю внутреннюю сердечную теплоту. Это не было чувством благодарности за спасение на Ордынке. Нет, он живо представил: случись сейчас непредвиденное, например, увези они Степана в ментовку, – он, Егор, отправился бы выручать товарища. И не только по соображениям порядочности, но по зову более тонкого мотива. Да, надо признать, за неполные сутки, прошедшие с момента их случайного знакомства, внутри Егора образовалось что-то значительное к Степану. Он готов был терпеть его, слушать, спорить с ним. Такая любезная терпимость свойственна отнюдь не делам партнёрства, но делам дружбы.

Вот и теперь он стоял, облокотившись на парапет, и любовался бесстрашным бойцовским характером товарища. Наконец Степан обернулся и махнул рукой:

– Егор, иди сюда! Помоги.

Не без труда они приподняли мужика, подхватили под плечи и оттащили к ближайшей скамейке. Громила уже совершенно проснулся и шаркал по асфальту подошвами, существенно помогая в транспортировке. На скамейке Степан перевёл дух и начал разговор.

– Предлагаю для начала познакомиться. Степан, Егор, – он указал на товарища, – а вас, милостивый государь, как величать прикажете?

Мужик повёл головой, прищурился, собираясь с мыслями, и ответил:

– Меня-то? Ну, Порфир.

– Ага, Порфирий, значит?

– Хоть так. Мне что.

– Мы вас, Порфирий, проводим домой, нет возражений?

– Домой? Домой далеко вато будет. Этак, поди, суток пять на поезде.

Стёпа выразительно посмотрел на Егора. Тот пожал плечами и улыбнулся.

– Предлагаю перейти на «ты», – Степан внимательно посмотрел мужику в глаза. – Порфир, выкладывай толком. Но учти, мы в Москве!

– Ну да. Будь она трижды неладна, эта Москва! Судьбу мне по ниточкам расштопала, антихристово урочище!..

При этих словах Порфир обхватил руками голову и стал сокрушенно покачиваться в такт своим горестным мыслям. Стёпа обнял его могучие плечи и, как мог участливо, спросил:

– Порфирушка, не томи. Отдохнуть тебе надобно. Едем ко мне, там и покалякаем.

– Лучше ко мне, – вставил Егор, – у меня есть свободная комната и ни одной Пульхерии.

– Лады, – Степан направился к мостовой.

Через минуту он поймал такси, и Порфирий, с доверчивостью большого ребёнка, отправился, ведомый под локотки своими новыми товарищами, на квартиру к Егору.

Часть 6. Собеседники

Господь создал нашу планету с потрясающим разнообразием. К примеру, вольные степи донские:

Свободные ветры гуляют в степи,
И конница резвая мчится.
По осени птица за море летит,
Чтоб ранней весной воротиться...

Есть на земле территории и иные, непроходимые:

Там гложет звук, и сердце человека

Сбивается с положенного ритма.
Там жизнь и смерть во власти алгоритма
Нелепого, несправедного века...

Не думайте, что автор имеет в виду мещерские болота и прочие непролазные топи. Вовсе нет. Болота – это удивительные живые террариумы, где здравствуют миллиарды насекомых и растёт отменная ягода клюква.

Там выпь над болотную ряской
Заплачет, и слышен далече
Крик птицы безумный, увечный
В ночной мелколесице тряской...

С появлением человека на Земле образовались места гораздо проблематичнее болотных трясин – хутора, городища, города, мегаполисы!.. Ведь людям свойственно сбиваться в стаи, огораживаться, отстраиваться, расширяться.

Так на месте первых поселений возникли Афины, Константинополь, Иерихон, Дамаск, Фивы...

Город, как губка, впитывает человеческие усилия, становится комфортабельным, густонаселённым. Но вместе с тем он теряет именную сопричастность к своим жителям. Он их не пересчитывает (попробуй пересчитай!), он их группирует.

Население растущего мегаполиса с каждой новой тысячей горожан превращается в великую массу, которую надо развозить, кормить, развлекать. А как иначе городской голова вырвет нужный процент зазданных голосов для будущих выборов административной власти?

Человеческий город глубже, страшней и безысходней болота. Молодой, сильный, мускулистый homo sapiens обречён десятилетиями жить в городской искусственной среде, в этакой многомиллионной потёмкинской деревне!

Утром он вынужден вставать не по солнцу, а по будильнику, днём отслеживать изменения банковских счетов на компьютере, пить растворимый кофе без кофеина и есть пластиковый хот-дог. Вечером (уж так заведено) он обязан прогуливать накрашенную девушку в каком-нибудь торгово-развлекательном комплексе, акцентируя внимание дамы на иллюминированных древесных декорациях. А на ночь наш герой-горожанин включает кондиционер, чтобы выспаться перед работой на «свежем» воздухе.

Конечно, человек привыкает ко всему. Поколения городских жителей рождаются и умирают во славу городов-колоссов. Более того, человек, привыкший жить утилитарно, «обожествляет» городскую среду. Так на Олимпе цивилизации появляются многочисленные города-боги: Рим, Париж, Вена, Санкт-Петербург...

А теперь представьте, насколько плачевно должна была бы сложиться судьба залётного сибиряка, переступившего магический ободок МКАДа? Впрочем, именно так нелепо, глухо и сложилась столичная кутерьма сибирского парня Порфирия. Куда он только ни нанимался, чтобы не умереть с голоду. Работал и за жильё, и за миску щей. Москва, она разная. Живут в ней не только слащавые пересмешники. Эта мелочь пузатая всё больше на поверхности пенится, лёгкие теледеньжата нагуливает. Однако в Московском омуте водится и крупная донная рыба. Эти твари посерьёзней отважных сыщиков из телесериалов. Только упали наивный червячок с бережка в воду да коснись дна...

Так приключилось и с Порфиром. Молодой сильный паренёк без документов, доверчивый и нетребовательный – находка! Зазывали в бандиты – не сунулся, слава Богу, ума хватило. А коли не бандит, значит, раб, решило донное сообщество. Рабовладельцев-то много, рабов не хватает.

Ох и набатрачился Порфирий на дядю, аж по самое немогу. Но сибиряк – существо не гибкое. Как ни гни – распрямляется пуще прежнего.

В один прекрасный день грохнул Порфир смотрящего – и в бега. Первым делом залёг в тину на пару месяцев. Москва большая, да слушок быстр – эту практику сибиряк усвоил хорошо. Выбрался по весне чуть живой. И точно не жить ему, но сжалился Господь да «подфартил» Порфиру: подкинул кошелёк с деньгами. Порфирий сначала хотел было поступить по совести, сдать находку, а куда? Светиться нельзя. Рыщут его, поди, повсюду. Думал-думал, потом исповедал Богу грех и оставил кошелёк себе. Рассудил: деньги к дороге, домой пора!

Правильно решил, да только увязалось за ним лихо, баба бедовая. Почуяла она мужицкий барыш и давай мотать Порфира по кабакам. За месяц вытряхнула всего. Тогда-то на излёте последней копеечки и случилась памятная встреча наших героев. Не будь её – рупь за сто, хана Порфиру! Может, и поделом, да только жаль, мужик он неплохой, не безголовый.

Однако вернёмся к нашим героям. Егор жил немного безалаберно и в то же время поделовому изящно. Купленную лет пять назад двушку улучшенной планировки он обставил с нарочито интеллигентным безразличием, присущим торговому дому «ИКЕА». Но творческий беспорядок, царивший в квартире, будто издевался над продуманной до мелочей ролевой направленностью скандинавского дизайна. Например, многофункциональный комод с необычным сферическим открыванием створ был наглухо завален обмерными чертежами храмов. Поэтому воспользоваться забавной скандинавской задумкой было попросту невозможно.

Несмотря на беспорядок, квартира производила светлое, мажорное впечатление. С первых шагов бросались в глаза почти идеальная чистота и бытовая прибранность. Ни носков на батареях, ни хозяйственных сумок на ручках дверей, ни полотенце и шарфов, перекинутых через разновеликие выступы мебели, – не было!

– А ты чистюля, – резюмировал Степан, оглядывая прихожую.

– Это не я. Это моя несравненная Анна Сергеевна. Завтра вы её увидите.

Степан многозначительно поднял указательный палец вверх: «Я чую, в этом жилище есть кухня!»

– Одна точно есть! – улыбнулся Егор, помогая Порфиру снять тяжёлое старомодное пальто.

Предложив гостям тапочки, хозяин отправился на кухню.

– Друзья, нам везёт! Анна Сергеевна, как чувствовала, расстаралась, – Егор распахнул перед Степаном дверцу холодильника, полного всякой всячины.

– А магазин поблизости есть? – спросил Стёпа, выгребая еду из холодильника. – Я быстро.

– Возьми деньги на полочке, слева от двери, – ответил Егор.

Пока Степан отсутствовал, хозяин налил Порфиру чай и стал расспрашивать его о том-о сём. Порфирий охотно отвечал. Чувствовалось, что он соскучился по участливому разговору. Говорил медленно, тщательно подбирая слова. То и дело сыпал прибаутками и какими-то глубокими стародавними поговорками. Но главное, что подметил Егор, – из рассказа выступала непростая и совершенно нелепая человеческая судьба. Одним словом и не назовёшь. Бедовая, что ли. Судьба не вела Порфира, а как бы вальсировала с ним то под раздольную мелодию сибирской оркестровой ложки, то вдруг начинала неистово кружиться в болезненном скерцо московских тёмных переулков и случайных ночлежек. И в том, и в другом случае Порфир с угрюмым послушанием принимал крутые житейские повороты. Егор слушал этого огромного

сибиряка, которому было тесно даже среди улучшенной столичной планировки, и невольно примерял на себя одежды Порфириевой судьбы. И, надо признать, не во все «тряпицы» мог укутать свои «фирменные недостатки» – гордость, самолюбие, воспалённое «эго» художника.

Конечно, с началом работы в храме он взял за привычку постоянно анализировать себя. Егор легко и с интересом примечал в новых церковных знакомых не только житейские немощи, присущие всякому человеку, но и приобретения, нажитые духовными упражнениями и желанием «угодить» Богу. Что-то принимал, что-то откладывал – не моё, что-то приберегал на потом, не имея сил с ходу взять высоту...

Тем временем вернулся Степан. Он торжественно внёс в кухню литровый пузырь анисовой водки и крохотный (насколько хватило денег) пакетик развесных малосольных огурчиков.

– А хлеб ты купил? – спросил Егор, оглядывая весёлого добытчика.

– Хлеб? – Стёпа сдвинул брови. – Так водку же из пшеницы делают! Я подумал и решил не дублировать. А если совсем честно, то в винном отделе хлеб закончился. Ну, думаю, ладно, когда привезут, тогда куплю ещё.

– Отличная история! – согласился Егор. – Главное – в ней много правды. Правда – это наш первейший хлеб. Верно, Порфир?

– То, что нет хлеба, – это правда, – Порфирий наконец улыбнулся, да так просто и широко, что Егор, а вслед за ним и Стёпа загляделись на сибиряка.

Тем временем приготовления к ужину были закончены. Егор включил тихо Свиридова, и три знатных человека, ещё мало знакомые, но уже не чужие друг другу, расселись за икеевским сухощавым столиком, рассчитанным на две некрупные скандинавские персоны.

– За что пьём, Порфир? – спросил Степан, разливая анисовую, – может, за Россию?

– Можно и за Россию. За ту, главную, – ответил Порфир, принимая стакан из рук Степана.

– Это как? – Стёпа застыл в наклоне.

– А так. Не встретила Она мне нынче. Пол-России проехал, всё в щель вагонную глядел, думал, примечу на какой станции, – нет. Вроде то, и одёжка, и манер, а горячки сердечной нету. Крюка не слышу.

– Крюка? – Степан откинулся к спинке стула.

– Я полагаю, Порфир имеет в виду древнюю церковную нотопись. Знаменный распев, верно?

– Ну да, у нас так служат до сих пор. Крюк, он как зацеп для человека. Пустой человек не удержится, скользнёт и сорвётся. Знамо, туды ему и дорога. А вот ежели есть в нём душа Божья...

– Тады не скользнёт? – Степан облокотился на стол, глядя прямо в глаза Порфиру.

– Не скользнёт, – Порфир произнёс последнее слово как-то без желания. Затем опустил голову и замер, не говоря ни слова.

– Стёп, имей совесть! – вмешался Егор. – Дай человеку отдышаться.

– Откуда я знаю, о чём вы тут без меня разговоры вели, – вспыхнул Степан. – Им водку принеси, налей!..

– Ребята, – поднялся Егор, – нас действительно мало. Давайте выпьем за крюк, за корешок российский. Закатали Россию в асфальт, а он живёт себе. Вот Порфир его видел, а нам, городским, пока не довелось. Ну, с Богом!

Собеседники чокнулись над столом, и трапеза, как вечерний поезд, скрипя сочленениями, неспешно тронулась.

– Порфирушка, а возьми нас с собой в Сибирь? – Степан шурился от доброго десятка выпитых «чутков». Он то и дело отлучался к холодильнику за очередной порцией закуски и никак не мог задать Порфиру этот важный и, как он считал, очень наболевший вопрос.

– Ну да, я б тоже поехал, вот только роспись надо закончить, – подперев кулаком подбородок, мечтательно произнёс Егор.

– А чё, возьму, – Порфирий единственный из трёх собеседников казался совершенно трезвым и рассудительным, – вот только меня самого примут дядя, нет ли. У нас с этим строго, не санаторий.

– А почему не примут? – Егор взялся разливать чай.

– Потому. Подержи на руках волчонка да подкинь в стаю. Все матки обнюхают его, носами потычат. Может, примут и к титке подпустят, а мож, и загрызут. У них свои законы.

– Так люди ж не волки! – Степан очнулся от задумчивости.

– Не волки, это правда. Только, случается, человек волчее волка бывает. И много гибели родится от такого человека.

– ?

Порфир приосанился.

– Ну, коли так, слушайте сказ.

Егор отставил чайник, а Степан облокотился поудобней на стол.

– Мал я был тады, годков на пять-шесть вырос, не боле, но говор отца и беглого Семёна в избе помню. Помню каждое слово до хрипотцы. Будто плёнку магнифонную сглотнул, до того всё помню...

Часть 7. Семёнова резня

...Семён провалился в глыбь у самого берега. На последних силах выполз из реки и откинулся на пригорок. Прислушался. За гулками билами сердца он различил потрескивание валежника. Звук как будто удалялся. «Слава те, повернула, знать». Семён прикрыл глаза и скинул умишко вовнутрь. Там, в глубине собственного тела, бывало, прихлопнет он ставенку и млеет, как на перинке. Пушай наверху хоть что.

Семён был мужик молодой и сильный. Мог позволить себе рассупониться ненадолго. Эдак пересидеть, набраться сил, а там и годить неча – всплыл да пошёл дальше.

Минут десять он лежал с открытыми глазами и выглядывал в кронах береговых цокорей холодное ноябрьское небо. Чувствовал прикосновение мокрой, настылой на ветру одежды, но глухая радость о спасении жизни согревала его тело. Одежка пахла сырým тягостным дымком, будто сажена над костром на перепалку.

Семён медленно припоминал случившееся. Шёл себе поверх балки, но оступился и кубарем полетел в овраг. А там, на самом дне, у речки медведица в залёжке пригелась. Он её-то и поднял. Ежели б ногой не впёрся в корень и рукой не ухватился за цокореву лапу – хана. Ещё чуть, и прям на башку ейную съехал бы.

Семён ухмыльнулся: «Случится ж такое! Оседлать голодного зверя, каковский монтаж!»

На минуту он прервал воспоминания.

– И всё ж почему медведица не пошла по воде, – гадал Семён, – непонятно. Чтой-таки её спугнуло, встревожило? Он-то давай прыгать, как заяц, по руслу, благо мелководье. А медведица мечется на берегу да ревёт в голос. Окрест птах подняла, энда с мазы тюремной воца сбрендил!..

Не отправилась медведица по воде. Ушёл Семён. Ушёл, потрох иудин! Не сгрызла тебя мишка, жить оставила! А как жить, не сказала. Ни кола, ни двора, одни статьи прокурорские. Объяву нарисуеть – сей час пригребут погонники. Знамо, валить куда глаза глядят. Ну, да чё ещё?..

Видит Семён, деревня. Вокруг дворов делянки да огороды. Живут, значит. Пошёл он до крайней избы. Перелез оградку и тихонько постучал в окошко. Занавеска в окне мотнулась взад-вперёд. Через минуту лязгнула задвижка, и хозяин приоткрыл дверь.

– Чё надобно?

– Впусти. Вишь, обтрепался чуток, жрать подвело.

– Кто будешь?

Семён скрипнул зубами:

– Чё тут тайнить, беглый я, со Смолянки.

– Со Смолянки? Так, верно, они за тобой чешут?

– Не, не чешут. Сбил я их, путнул. Да кому я нужен! Медведь, и тот жрать не стал, отступился.

– Медведь?

– Ну да, тут недалече. Поднял я медведицу, еле от нея по реке сгрёб, вишь, мокрый.

– Ну заходи.

Хозяин прошёл в дом, и Семён за ним следом.

...Меня пробудил говор отца и какого-то мужика, мокрого от макушки до самых пят. С виду мужику было лет тридцать. Его одёжка пахла в нашей топленой горнице, как гнилое сенцо поутру в поле. Мне сразу пришло, что дурной он был человек, беглый. С отцом говорил, как правила, требовательно: «А подай, хозяин, хмель и табак!»

Отец ему:

– Ты что ж, парень, раскинулся тут? Я ж тебя как человека под образа впустил!

А тот сел на лавку спиной к молельне, ни креста, ни поклона, и отцу перечит:

– Не гунди, передохну часок и тронусь. Колись, батя, выпить хоца!

А отец ему:

– Кой я тебе батя! Ты вот что, ступай-ка с Богом. Неча мой дом перед Богородицей срамить!

Мужик-то сопит, будто сердает, а сам эдак лыбится щербато:

– Ты что ж меня, отец, на двор из избы гонишь! Нешто не признал, что мне теперь туды ходу нет.

Бугай он здоровый. Чай, раза в полтора покрепче отца будет. Гляжу, отец за вилы:

– Ступай, пришлый человек, подобру говорю. Не место тебе тут.

А тот рванул наперёд отца. Только и услышал я, как батя кликнул: «А-ах, Богородице Дево...» и повалился на лавку спиной. А мужик оглядел горницу, вытер об отца нож, похватал что со стола, и в дверь. Я лежу дрожу, кабы не увидел супостат.

Когда ж затихло, слез я с печи, подбежал к отцу, а он уж того, обелел весь, помер то бишь. Прикрыл я ему глаза и до дядьки Валентия пошёл на соседний двор.

Сбежалась деревня. Бабы воют. А мужики похватили топоры – и на огороды.

– Нашли? – не выдержал Степан.

– Не, не нашли. Всю ночь мяли заимку и вокруг. Пару медведей подняли, а его, иуду, не нашли. Канул. Вот такой сказ невесёлый. Егорушка, а налей чайку. Хоть нам, староверным людям, пить чаёк не положено, да привык я на волюшке, Бог простит. В горле ссохлось, вот оно как...

Часть 8. Как Порфирий оказался в Москве

Порфирий временно поселился у Егора и вместе со Степаном стал готовиться в дорогу. Впрочем, его роль в подготовке к сибирскому путешествию была проста. Ему предстояло

вспомнить географические названия, которые встречались на пути из родной заимки в Москву, и нарисовать на случай непредвиденных обстоятельств пеший план, коим следовало идти по тайге вдоль Малого Енисея до поселения.

Это оказалось не такой уж простой задачей. Припомнить таёжные повороты и главные ориентиры спустя четырнадцать лет было под силу только крепкому, неповреждённому уму. Слава Богу, Порфирий шаг за шагом восстановил в памяти маршрут, которым он, двенадцатилетний пацан, прошёл один с пустой котомкой за плечами и не прощённой обидой в сердце.

В путь до Москвы Порфир отправился внезапно. Прослышал окольным случаем, что один беглый зэк похвалялся братве, мол, срубил неучтивого старовера-хозяина. Порфирий стал дознаваться. И дознался. По описаниям зэк точно походил на убийцу отца. И ещё дознался Порфир, что ушёл он с таёжной лёжки. Вроде как на Москву подался, там, мол, народищу тьма, кто признает! И решил Порфир за отца отомстить, найти иуду, обязательно найти.

Однажды проснулся он до рассвета, собрал из съестного, что было, поклонился Богородице – и огородами на погост. Присел чуток на могилке батяниной, и в путь. «Не дойдёшь ты! – кричало в страхе подростковое сердце. – Пропадёшь в тайге, пропадом пропадёшь!» «Пусть пропаду, – отвечало сердцу что-то другое, коренное, – не могу я жить подле отцовской могилки и радоваться! Будто склонился надо мной тот подлый человек и лыбится щербато, мол, как я тебя да батьку твоего кровушкой забрызгал! Вы у меня теперича упокойнички. Так и твердит – упокойнички».

Пошёл Порфир медвежьими тропами по берегу порожистой речки Каа-Хем, то бишь Малому Енисею, и вскоре понял, отчего старики говорят: «Чем выше по Енисею, тем крепче вера».

Всё чаще стали попадаться ему людишки пришлые да беглые. У каждого свой соблазн на уме. И каждый мальчонку-то по-своему определить норовит, пряниками и конфетами зазывает, как в петельку затягивает. Один, помнится, такой обходительный был. Всё гладил юнца да приговаривал. А как полез до мерзости, так-те, слава Господи, попалась Порфирию под руку розетница каменная. Он той розетницей поперёк морды слащавой и пропахал. Аж кровь брызнула в сторону! Пока чухался пакостник, Порфирий бежать. Бежит, а в спину ему ор поганый, мол, найду малолетку, убью суку. Э-э, да кто ж таёжного охотничка сыщет!

Добрёл Порфир таки до Эржея. Вспух от голоду, обтрепался, все силы по сопкам разбросал. Благо, попалась ему добрая женщина. Полоскала она бельё в реке и видит: лежит парень на сырых камнях, привалившись к валуну. А как подошла, поняла: беда с парнишкой, еле живой. Приласкала она Порфира и в дом отвела. У самой-то пятеро по лавкам сидят. Мужа нет, год назад медведь задрал. Одна она горюет да детишек растит. Многие мужики за год сватались к ней, женщина видная, никак, мол, одной нельзя на Каа-Хеме жить. Только всем она отказала. Иль по мужу память хранила, или вовсе одна жить надумала. Бабье сердце не разгадаешь.

– И по что ж ты, дружок, в эту бесову Москву собрался? – качала она головой, слушая рассказ Порфира. – Пропадёшь, пропадёшь ни за что! Нет на Москве, поди, ни веры, ни совести. Слышала я, по утрам-то они голые из домов выбегают на свою зарядку, так у них это бесовское развлечение называется. Нет чтоб по воду сходить или дров подрубить к субботе. Бегают, прыгают, как козлы, прости Господи. Вот уж сраму нагладишься! Не ходи.

– Не могу я, мама Вера, – отвечал Порфир, – вот отыщу супостата, и назад.

– Да коли найдёшь, он же, милый друг, здоровей тебя, что ж ты ему скажешь?

– Да я и говорить-то не буду.

– Ужель на смертное дело решишься? Грех-то какой! – воскликнула женщина.

– Не знаю я, мама Вера. Как Бог вразумит да святой Николай шепнёт. Их и послушаю.

Через два дня окреп Порфир. Проводила она его на сплав. Упросила брата мужниного взять мальчика с собой ну хоть до Усть-Бурена, а случится, и напрямиком в Дерзиг-Аксы, до дороги. Всплакнула мама Вера, наложила еды полну котомку и говорит:

– Ступай, Порфирыюшка, веру нашу не оброни! Храни тебя Господь!..

Порфирий к труду привычный, как отплыли, встал на багры наравне с другими. Феодор, брат мужний, поглядел на мальчика («добрый парень!») и оставил на сплаве до самого Кызыла. Ох, пришлось им потрудиться на порогах! Тут уж точно, лишний багор лишним не бывает.

Так Порфирий оказался в огромном городе Кызыл. Со сплавщиками (те передали лес другой команде по Верхнему Енисею) расположился он в общежитии для сезонных рабочих. Большинство мужиков старой веры. Знать, раненько на молитву встают, и в вечер по сорок поклонов положить надобно. Он с ними первый. А через три дня собрались мужики в обратный путь, стали зазывать и его, но Порфир поцеловал Феодору руку и сказал: «Отец благой, подсади меня на Москву, надобно мне туда». Тот пожал плечами, и утром следующего дня гружёный КамАЗ-лесовоз умчал Порфирия из Кызыла.

– Веру не растеряй! – крикнул сплавщик Порфирию сквозь облако поднявшейся пыли. Да тот, поди, за рёвом мотора и не услышал.

В Абакане случай помог. Подсел Порфирий к туристам в старенький автобус и к вечеру доехал до Ачинска. Прознав, что парень с заимки староверов, туристы (в основном москвичи) засыпали его вопросами: почему стога в Сибири называются зародами, почему староверы чая не пьют и медвежатину не едят и, конечно, про веру – кто они, поповские или беспоповцы, признают ли новые иконы или только древлеписанные. Порфир всё, что знал, отвечал любопытствующим, а сам ёжился от неудобства. Всю свою маленькую жизнь он прожил, не задумываясь о том, как и почему он делает то, что делают взрослые. Теперь же, отвечая на вопросы москвичей, он поневоле вслушивался в свои ответы и старался понять: почему всё так, а не иначе.

А вот о причине своего путешествия в Москву Порфир умолчал, отнекиваясь и обрывая разговор. Туристы же, пресыщенные тувинскими впечатлениями, мотали разговор от одного Мало-Енисейского порога к другому, многому удивлялись и Порфирия не переспрашивали, ну едет парень и едет. Более того, купили ему из общака билет до Москвы. Пришлось, правда, малость повозиться с одной формальной проблемкой – у Порфира не было никакого удостоверения личности. И лет ему было двенадцать, правда, выглядел он постарше. Ну да всё сла-дилось.

В полночь проходящий поезд «Красноярск-Москва» остановился, подхватил Порфирия и понёс сквозь таёжные выселки в Кемерово, Омск, Екатеринбург, Казань, Арзамас, Муром... до самой Москвы, под самый горизонт, в глубь незнакомую...

Глава вторая. Крутые повороты

Часть 1. Спонсор Сергей

...Когда все приготовления были завершены и оставалось за малым – сесть наутро в поезд, друзья до полуночи засиделись на кухне у Егора. Что-то пили, смотрели карты и обсуждали детали предстоящей встречи в Кызыле. Договорились, что Егор закончит роспись, произведёт расчёт со спонсором, рассчитается с помощниками и тотчас отправится вслед за Степаном и Порфирием. А те будут ждать его в Кызыле, где и гостиница подешевле, да и новости енисейские поточнее.

– Слушай, Егор, – Степан вдруг развернулся на стуле и внимательно посмотрел в глаза товарищу, – может, торопимся мы? Расчёт – штука серьёзная, помощь какая, чай, потребуется.

– Нет-нет, поезжайте, я разберусь, – ответил Егор и улыбнулся, – ну что, на посошок – и спать!

Друзья поднялись и церемонно чокнулись стаканами.

– Значит, ещё раз: ежедневно смс-имся и знаем друг о друге всё. Так? – Степан теребил Егора, когда они, прощаясь, вышли в прихожую. Уже в дверях Стёпа крикнул Порфиру, который допивал на кухне чай:

– Порфир, я забираю тебя в семь. Не проспй!

Наутро, ровно в 7—00, Степан позвонил в домофон. Порфирий, подхватив котомку, хотел проститься с Егором в дверях, но тот оделся и вышел с ним на улицу.

– Может, вас до вокзала проводить? – спросил он Стёпу.

– Мы что, девочки? Нас провожать – себе дороже будет! – весело ответил Степан и обнял Егора. – Попомни, Егорчик, регулярные смс ежедневно, не реже. Я знаю братков, с них мзду получить – большое искусство!

– Ладно, ребята. С Богом! – ответил Егор, обнимая Порфира.

Проводив товарищей, Егор вернулся в квартиру, сел за компьютер и стал одним пальцем набивать записку для спонсора Сергея.

Сергей Колдовский, 31 год, подданный государства Израиль. Бизнесмен, ранее судим за финансовые махинации с оффшорами, разведён, воспитывает сына.

Официальная версия: московский благотворитель, член попечительского совета Фонда святого апостола Андрея Первозванного, художественный меценат.

Год назад настоятель храма о. Викентий представил Егору этого Сергея со словами:

– Вот, Егорушка, благодетель Сергей. Хочет поспособствовать нашему стенописному начинанию. Благословляю вас сообща и начать.

Поначалу спонсор, или, как принято в храме величать, ктитор Сергей показался Егору человеком лёгким в общении и твёрдым в слове. Небольшой аванс, который запросил Егор на начало работ, Сергей сам принёс в храм и выдал со словами «Ну-с, с почином!» Взял расписочку для бухгалтерии, всё как положено. На предложение Егора заключить договор ответил вежливым отказом. Мол, зачем прописывать наличку, мало ли что. Твёрдое купеческое слово – вот и весь договор. А сколько чего требуется – говори заранее, нет вопросов, всё будем решать в течение одного рабочего дня.

Егор впервые взялся за большую работу не только как художник, но и как руководитель проекта. Он даже порадовался: не надо вести бумаги, работай и получай деньги, что ещё.

Первые полгода всё шло нормально. Сергей исправно платил, брал расписки и с настоятелем придумывал всё новые способы совместного приложения сил на благо храма. Отец Викентий на Сергея не мог нарадоваться. «Вот ведь послал Господь человека великодушного!»

Как-то раз Сергей не выдал Егору очередной, как говорят, транш, объяснив невыплату определёнными сложностями на работе. Егор попал в очень неприятное положение перед помощниками. Благо о. Викентий покрыл из храмовой казны недополученную сумму и сказал: «Ты продолжай работу, Егорушка. Серёжа – человек надёжный, всё образуется».

Однажды днём, когда в храме были только дежурный и регент, вошли два человека. Похозяйски оглядев полумрак трапезной, они показали удостоверения ФСБ и спросили настоятеля. Записав номер телефона о. Викентия, ушли.

Бедный батюшка с неделю места себе не находил. «Это что за позор-то мне такой! Ничего они не объяснили?» – расспрашивал он дежурного. «Да нет, сказали „вот оно как“ и ушли». «Вот оно как?! Да что ж это такое „вот оно как“? – вздыхал о. Викентий. – Господи, в чём я пред Тобою провинился-то?»

Звонка от непрошенных гостей не последовало, отец-настоятель понемногу успокоился и за чередой церковных дел забыл о досадной необходимости самого себя в чём-то подозревать.

Время шло. Сергей долгое время в храме не появлялся и на звонки не отвечал. Но вот в один из дней он подкатил к храму на новеньком мерсе, вошёл с букетом роз – и прямиком к иконостасу. Долго шептался возле иконы святого Николая. Потом попросил позвать Егора, и когда тот спустился с лесов, вручил ему должок со словами: «Божий человек, ты знал, что я вернусь. Слава Богу за всё!»

Именно в этот день Егор поздно вечером и возвращался из храма по пустынной Ордынке. Именно в тот вечер приключилась с ним история, с которой и началась наша повесть.

Часть 2. Вот оно как...

Егор нутром чувствовал, что с Сергеем могут быть проблемы при окончательном расчёте. И в то же время, зная натуру Степана, прекрасно понимал: случись заварушка, его друг пойдёт напролом. А с такими мутными оппонентами, как Сергей, идти напролом нельзя. Конечно, Егор надеялся, что всё как-то разрешится, и окончание росписи не омрачат склоки и пагубное выяснение отношений. Однако всё случилось несколько иначе.

Егор закончил набивать докладную записку и стал торопливо собираться в храм. Сегодня в 10 часов ему предстояло встретиться с Сергеем и подытожить огромную работу. Роспись состоялась. Напряжённый годовой труд четырнадцати человек вот-вот, как голубок, вылетит в мир и начнёт жить своей самостоятельной жизнью. «Эх, не задурил бы Сергей Львович! – думал Егор, прикрывая дверь квартиры. – Да что ж я так растревожился? Дела-то у него поправились. Чего ради Стёпка наехал, мол, знаю я этих новых? Мнительный ты стал, Егор, ох, мнительный. Пора, пора отдохнуть и привести себя в порядок. На Енисей! Срочно!...»

Без пяти минут десять Егор вошёл в храм, приложился к иконе на аналое и поспешил в кабинет настоятеля. Следует уточнить: не имея разрешения на строительство хозяйственных построек, настоятель вынужден был все административные и бытовые нужды содержать в храме, выгородив для этого часть богослужебного помещения.

– Молитвами святых отец наших, Господи, Иисусе Христе, помилуй нас! – проговорил Егор у двери в кабинет настоятеля.

– Аминь. Заходи, Егорушка, – послышался тихий голос о. Викентия.

Егор вошёл, поклонился иконам и присел на свободный стул.

– А Сергея Львовича нет ещё? – спросил он.

– Видишь ли, Егор, тут такое дело, – словно смущаясь каждого сказанного слова, заговорил настоятель, – полчаса назад позвонил Сергей и сказал, что в нашей с ним встрече нет никакой необходимости. Он ещё год назад оплатил приобретение художественных материалов. А те суммы, которые выдавались тебе, Егор, под расписки, он давал... в долг. И теперь требует вернуть деньги полностью. Я тут записал даже, в размере двухсот пятидесяти четырёх тысяч рублей. Никакими договорными обязательствами он ни со мной, ни с тобой не связан. Так и сказал, а на возврат денег положил... три дня.

Минут пять о. Викентий и Егор молча глядели то друг на друга, то на рабочий стол, заваленный бумагами, поверх которых развалился, как на перине, чёрный сотовый телефон.

– Ведь ты же писал в расписках, что получал деньги за роспись храма, а не в долг, как он сейчас говорит!

– Нет, отец Викентий, не писал. Сергей просил меня не указывать причину платежа. Так, мол, проще проводить по бухгалтерии...

– Что ж нам теперь делать, Егорушка? – чуть слышно прошелестел губами священник, отводя глаза (Егор привык к его прямому восторженному взгляду). – Тебе и с людьми надо рассчитаться, и вообще. А сколько он ещё должен отдать?

– Сорок две тысячи. Я тут всё посчитал.

Егор положил перед настоятелем распечатанную записку для Сергея.

– Что же он нас в грех-то вводит! – сверкнул глазами о. Викентий. – Нешто управы мы на него не найдём?..

Часть 3. Жил да был чёрный пёс за углом

– Ты, Егорушка, иди домой и ни о чём не беспокойся. Я этого Сергея на тебя взвалил, я с твоих плеч его и сниму. Ты иди. А мне обмозговать надобно. С твоими помощниками я поговорю, успокою, попрошу подождать.

Егор вышел из храма на улицу. Но он не сделал ещё и десяти шагов, как буквально из-под его ног выскочил какой-то мелкий бродяжка и с криком «Деньги давай!» скрылся за ближайшим поворотом. Егор поёжился, ему припомнились слова Степана «знаю я этих новых». Оглядываясь по сторонам, он поспешил к метро «Арбатская».

Привычная сутолока метро, казалось, оставила позади неприятные приключения этого дня. Однако перед входом в свой подъезд Егор зачем-то ещё раз оглянулся.

Во дворе никого не было. Вдруг огромный, совершенно чёрный пёс пронёсся прямоком через детскую площадку и исчез между домами. «Анри, Анри! Ко мне!..» – прихрамывая и жалобно крича, во двор вбежала молоденькая девушка. Её разбитая в кровь коленка алела под развевающимися складками коротенького ситцевого платья. Волосы девушки были расчёпаны. Видимо, она не первые десять минут пыталась урезонить взбесившегося пса.

– Вы не скажете, куда он побежал? – обратилась она к Егору.

– Кажется, туда... – Егор неопределённо махнул рукой в сторону.

– Ага, большое спасибо, – девушка дрогнула плечиком и резко повернулась в сторону, куда указал Егор. Вдруг, вскрикнув от боли, она осела на раненую ногу и стала падать. Егор едва успел подхватить её на руки.

– Простите меня, ничего, мне уже лучше, – проговорила девушка, высвобождаясь из объятий Егора. Он вежливо опустил руки и отступил на шаг. Однако идти девушка не могла. Она

держалась рукой за стену дома и стояла в нерешительности, боясь сделать шаг. На глаза у неё навернулись слёзы.

– Э-э, так дело не пойдёт! – Егор щёлкнул магнитным брелоком, решительно подхватил девушку на руки и, распахнув носком ботинка входную дверь подъезда, внёс драгоценную ношу в полумрак вестибюля. – Не волнуйтесь. Я окажу вам первую помощь и помогу найти собаку. Поймите, у вас может оказаться заражение крови!

– Заражение крови?!

Психологическая атака Егора сработала на все сто. Девушка присмирела и позволила поднять себя по ступенькам на третий этаж. Можно было воспользоваться лифтом, но Егор решил не пугать хрупкую визави тесным замкнутым пространством.

С трудом порывшись в портмоне двумя свободными пальцами, он достал ключ и открыл дверь квартиры. Войдя боком в прихожую, Егор осторожно опустил девушку на диван и отправился на кухню, вспомнив, что домашнюю аптечку заботливая Анна Сергеевна всегда хранила на дверце холодильника.

– Можно побыстрее? Пока вы меня лечите, этот несносный Анри перекусает пол-Москвы!

Егор опрометью бросился назад. Наверное, далеко за пределами его квартиры было слышно, как сто килограммов чистого иконописного веса сотрясают бетонные половицы Шаболовской новостройки.

– Вот, потерпите, пожалуйста!

Он обработал ранки перекисью водорода и аккуратно прижёт зелёной наиболее опасные ссадины.

– А-ай, это что, я теперь буду ходить такая зелёная?!

– Крепитесь, барышня, скоро лето...

– Как это скоро лето? Август же!

– Вот я и говорю: скоро лето пройдёт, зелень пожухнет и станет такого, знаете ли, телесно-кремового цвета.

– Выходит, вы не дальтоник? А мне-то поначалу показалось...

– Интересно, что вам показалось и по началу чего?

– Ладно, проехали. Я могу идти?

– Не знаю.

Девушка попыталась встать с дивана и тотчас повалилась обратно, вскрикнув от боли.

– Вы чем это меня намазали?! Ноги не идут.

– Попробуйте на руках, если вам так надо.

– Я сейчас заплачу!

– Лучше обопритесь на меня и пойдёмте во двор. Я чую благородный запах Анри!

Девушка обхватила тоненькой рукой шею Егора и привстала с дивана. Коленка распухла. В глубине фиолетового отёка при каждом шаге обнаруживали себя десятки игольчатых неприятствий.

– Вам больно? – всякий раз участливо спрашивал Егор, когда девушка ойкала от боли и обвисала, цепляясь покрепче ручонками за его шею.

– Нет. Просто так мне легче идти, – сквозь зубы заносчиво отвечала она.

Наши герои спустились на лифте с третьего этажа на первый и вышли на улицу.

У подъезда сидел взъерошенный, совершенно грязный Анри и с чувством глубокого удовлетворения виновато сучил хвостом.

– Ну вот видите, госпожа Икс, ваш Анри оказался умнее нас. Мы собрались его искать, а он нас уже нашёл. Посидите здесь, – Егор нежно расцепил руки девушки и помог ей присесть на лавочку у подъезда, – я сбегать за телефоном и вызову такси. Анри, можно!

Пёс сорвался с места, подполз на брюхе к хозяйке и лизнул туфельку. Девушка удивлённо посмотрела вслед убегающему Егору и затем, повернувшись к собаке, строго произнесла: «Анри, ты зачем его послушался?» Пёс виновато повёл башкой и лизнул вторую туфельку.

Через минуту вернулся запыхавшийся Егор и подсел к девушке на край лавочки.

– Я уже вызвал, сейчас приедет.

– Спасибо, конечно, но у меня нет с собой денег...

– Ах, ну что вы! Скажите... как вас зовут?

– Меня?

– Ну да, нас двое, одного из нас зовут Георгий.

– Во-первых, нас не двое, а трое, – девушка кивнула на Анри, – и его зовут...

– Это я уже знаю.

– Ваше любопытство мне напоминает капкан! Ну хорошо, скажу, – девушка опустила глаза, – меня зовут Светлана.

– А меня Георгий!

– Это я уже знаю.

В другом конце двора показалось жёлтое такси. Егор встал и махнул рукой. Такси подрулило к подъезду. С трудом пропихнув хрупкую Светлану, как поломанную стрекозку, на заднее сидение, Егор взял на поводок пса, обошёл машину и, открыв другую дверцу заднего сидения, скомандовал: «Место!» Пёс послушно пристроился у ног хозяйки.

– Э-э, ты чего мне этого грязного пса посадил? Я людей вожу!

– За пса плачу вдвойне. Едем!

Егор сел на переднее сидение и, обернувшись к Светлане, спросил:

– Света, назовите адрес.

– Ленинский проспект, двадцать четыре.

– Ого, ну и прогулочка у вас получилась! – присвистнул Егор.

– Это всё он, – Света улыбнулась и потрепала пса за уши. Анри, высунув язык и часто дыша, оглядывал салон, давая понять, что для него можно было бы подать машину и получше.

Часть 4. Последняя надежда

Неожиданное знакомство со Светланой отбросило мысли Егора куда-то в сторону. И он совершенно забыл о Сергее и неприятностях, которые, судя по всему, уже столпились у порога.

Наступил вечер. Егор сидел в одиночестве на кухне и вертел в руках сотовый телефон, способный посылать тревожные смс-ки. «Ребята уезжают всё дальше, – думал он, – Степан сорвётся из любого далека, только крикни о помощи. О какой помощи? Ещё ничего не произошло, чтобы выть: „Помогите, пожалуйста!“ Попробуй разобраться сам, это первое. А потом, ты же не один. Отец Викентий – человек твёрдый. Вот и ты будь».

Егор набил в телефоне текст «Всё нормально» и отправил смс по назначению. Его любимый напольный Brequet, купленный год назад в комиссионке, раскатисто пробил девять часов вечера. «Ещё не поздно. Позвоню-ка, пожалуй, отмалчиваться негоже», – решил Егор и набрал номер Сергея.

После долгой серии гудков в трубке послышался голос:

– А, это ты, Егор, ну что скажешь?

– Сергей Львович, я полагаю, ваш утренний звонок – это шутка?

– Нет, не шутка.

– И сейчас вы не шутите?

– Нет, конечно! Деньги – штука серьёзная. Взял – отдай.

– То, что вы говорите, – невозможно. Мы с вами сделали большое дело, мы же с вами перед Богом стоим!

В трубке наступило молчание. Через минуту Сергей продолжил:

– Ты меня Богом не пугай! У меня с Богом свои отношения. А на деньги сутки даю. Не отдашь – пеняй на себя.

– Уже пеняю!

Егор бросил трубку. Его трясло от ощущения несправедливости и собственного бессилия. «Как всё безнаказанно в этом мире! – пульсировал ум. – Воистину нами правит князь мира сего. А Бог далеко, там где-то. Он, конечно, всё уравнивает – приобретения, потери. Но как Ему уравновесить несправедливость, наглость человеческую, если в человеке отсутствует совесть?! Злом зло не победить. Покрыть добром? Но ведь добром можно покрыть только рану, нанесённую злом, а не само зло. Зло бродит безнаказанно в нас, как тигр по амурской тайге. И прикосновение к нему смертельно!»

«По амурской тайге или по енисейской... Интересно, на Верхнем Енисее есть тигры, или только медведи и ещё кто-нибудь? И вообще, как там наши в поезде, что проезжают...» – язык Егора болтал бессвязные вещи. После эмоционального коллапса его нервная система расслабилась, будто шатнулась в вязкую болотистую тину. Голова, плечи, руки отяжелели. Мускульных сил крепыша Георгия не хватило, чтобы удержать тело в вертикальном равновесии. Он повалился на диванные подушки из икеевского кожама и крепко уснул под углом в 40 – 45 градусов к житейской вертикали.

Часть 5. Прикосновение к злу смертельно

Проснулся Егор от долгого непрерывного звонка в дверь. «Кого там ещё... – пошатываясь, он направился к двери. – Иду, иду».

Как только щёлкнула задвижка замка, в образовавшуюся щель двери втиснулась мужская нога. Затем дверь будто сама собой распахнулась, и в прихожую, оттолкнув хозяина, вошли два плечистых человека, одетые в одинаковые серые костюмы. За ними, насвистывая какую-то мелодию, показался улыбающийся Сергей.

Болотистая тина сна мгновенно расштопалась на части и сползла с Егора. Он хотел что-то сказать, но один из двух качков, не говоря ни слова, ударил его в живот. Удар оказался не сильный, но точный, в самое солнечное сплетение.

– А теперь поговорим, – Сергей сбросил улыбку и стал зловеще серьёзным, – ты мне нагрубил, это нехорошо. Я не прощаю обид никому. Эти ребята пришли за деньгами. Это очень злые ребята. Если ты схитришь и не отдашь им деньги, то... ах да, забыл, ты уже пеняешь!

Егор молчал.

– Соловей, спой что-нибудь! – Сергей махнул рукой одному из парней.

Тот, как стоял, ударил с разворота ботинком в грудь Егору. Егор рухнул на пол, попытался подняться, но перебитое дыхание сковало грудную клетку, как нож. Задыхаясь, он смог лишь выдать: «Сволочь!»

– Нет, это совершенно невозможно! Он опять хамит. Грегор, переведи!

Второй парень, которого Сергей назвал Грегором, придавил Егора ботинком к полу и, нагнувшись, едва заметно ударил двумя пальцами, сложенными в острие, по печени. Этого оказалось достаточно, чтобы наш герой от боли свернулся калачиком и потерял сознание.

Очнулся Егор на полу в незнакомой комнате с обшарпанными обоями и грязным подоконником, заваленным кипой каких-то казённых бумаг. Подоконник был единственной «меблированной» плоскостью помещения. Левая рука была пристёгнута наручником к зигзагу отопительной трубы. Не успел Егор обдумать своё горестное положение, как дверь комнаты

растворилась, и вошла всё та же тройка не прошенных давеча гостей. От ощущения предстоящей физической опасности в организме Егора сработало естественное отторжение плоти. Оно, как снежный ком, увеличиваясь в размере, подкатило к горлу и вырвалось наружу.

– Да он блюёт от страха! – хохотнул Грегор.

– Утри, – скомандовал Сергей.

Грегор выбежал из комнаты и вернулся с мокрой половой тряпкой. Брезгливо касаясь Егора, он подтёр ему лицо и грудь, нимало не смущаясь, какую мерзость он совершает.

– А теперь продолжим, – Сергей присел на корточки в метре от Егора. – Завтра, если ты не заплатишь деньги, тебя отсюда увезут. Надеюсь, ты понимаешь, куда. Поэтому включай Дарвина, цепляйся за жизнь. Шанс пережить эту историю отличен от нуля. Короче, твой ноль, как говаривал Бродский, имеет радиус! Но, сам понимаешь, окружность твоя под давлением обстоятельств всё время сжимается. Подумай хорошенько и будь благоразумен. – Довольный сказанным, Сергей встал и вышел из комнаты. За ним отправились Соловей и Грегор.

Егор остался один. В присутствии своих мучителей он крепился, как мог, и старался казаться твёрдым. Теперь же горькие слёзы бессилия брызнули из его глаз. Правой рукой он размазывал их по лицу, вспоминая с отвращением грязную мокрую тряпку, которой орудовал Грегор.

Но понемногу слёзы редели, и приходило новое чувство нравственной отрешённости от происходящего. Много лет назад он смотрел фильм, в котором главный герой, привязанный к дыбе, ответил мальчику, пытавшемуся его освободить: «Уходи, иначе мы погибнем оба. За меня не беспокойся, я умею отключаться...»

Егор подметил новую особенность своего положения. Он перешёл определённый рубеж и как будто заранее приготовился к смерти; и теперь оглядывал происходящее как бы изнутри того, что случится в будущем.

Промелькнули кадры фильма «Гладиатор». Генерал Максимус перед решающим сражением обращается к воинам со словами: «Радуйтесь, вы уже мертвы!...»

Нечто подобное чудилось теперь и ему. Он даже попробовал улыбнуться, припомнив древнюю восточную поговорку «Чем хуже – тем лучше».

Егор не был знаком с наукой психологией и не знал, что свободная воля, способная подавить ужас рассудка, – верный признак высокой внутренней организации человека. В обычных житейских ситуациях мы все равны. Кто-то чуть смелее, кто-то болтливее. Но стоит линии жизни, сжимаясь, будто в удавку, превратиться в замкнутый круг, тут-то наше «общечеловеческое тело» и разваливается на две противоположные группы. Члены одной группы замирают от ужаса и готовы, торгуясь со смертью, заплатить за жизнь любым преступлением против собственной совести. Другие, и Егор оказался в их числе, «встают и уходят», спокойно оставляя тело на растерзание обстоятельствам. Уходя, они бросают своим мучителям через плечо: «Вы можете меня убить, надругаться над моим телом, но вы не можете причинить мне зла!»

В минуту смертельной опасности ум «населенников» первой группы, скованный страхом, перестает трудиться и искать выход из сложившейся ситуации. Ум вторых, напротив, обретает способность сверхрационального анализа происходящего.

Егор не размышлял, он наблюдал за действиями ума, который самостоятельно пытался выстроить спасительную цепочку действий на опережение: «Степан, не получив очередную смс-ку, развернёт корабль обратно. Через два-три дня он будет в Москве. Ещё день на то, чтобы определиться. Значит, в лучшем случае мне надо продержаться три дня. В худшем –

не знаю... Сергей ещё не сказал главное – что он, собственно, хочет. Скорее всего, речь пойдёт о квартире. Это к лучшему. Такие дела в пять минут не делаются».

Егор привстал, насколько позволяла сцепка, и поверх бумаг посмотрел в окно. За окном метрах в десяти во всю ширину взгляда тянулся унылый щербатый кирпичный забор. «Так. Кажется, моя тюрьма находится на первом этаже. Это хорошо».

Он опустился на пол.

«Не понимаю, за целый год общения с Сергеем пристальное око о. Викентия не обнаружило затаённый порок. Что за слепота обступила батюшку? Да-да, этот прохвост склонял настоятеля к каким-то действиям по церковной земле. Вроде во благо. Тогда зачем приходили ФСБ-эшники и почему пропали, так и не позвонив?...»

Размышления Егора прервали шаги в коридоре. Дверь распахнулась, и в комнату вошли четыре человека: Сергей с вертухаями и ещё один щуплый человечек в пенсне и с большим жёлтым портфелем в руках.

Глава 3. Дружба требует доказательств

Часть 1. Генные катакомбы

Странная всё-таки это наука – генная инженерия. Берём два белых шарика, накрываем тряпочкой и ждём. Вот из-под тряпочки выкатывается маленький белый шарик. «Ага, – радуемся мы, потирая руки, – заработало!» Через пару минут ещё один белый шарик катится перед нами. «Довольно, – говорим мы, – всё ясно: *similia similibus curantur* – подобное рождает подобное!»

Но тут (вы не поверите!) под тряпочкой образуется что-то чёрное и начинает двигаться в нашу сторону...

Внезапный страх перед неведомым слепит глаза и мешает разглядеть приближающийся предмет. Он уже совсем близко. Кто-то первый из нас протирает глазницы и видит перед собой сквозь морок воспалённых эмоций (о, ужас!) маленький чёрный шарик! Мы вглядываемся и сообщая констатируем невероятное: под тряпочкой в результате «общения» двух белых шариков образовался чёрный сферический предмет!..

А ведь подобное случается и у людей. В благополучной семье рождается ребёнок. Всем-то он хорош, только замкнутый какой-то. На ласку не откликается, доброго слова не скажет. Папа – профессор, мама – педагог. А парень учится на двойки, учителям дерзит, мать не слушает, отца на деньги разводит.

Объясните нам, господа учёные, за что белым шарикам такое искушение? В чём провинились они перед вашей наукой? Что же вы молчите?

Признаюсь, цель столь смелого околонаучного опуса – начать разговор о Сергее. О том самом израильянине Сергее Львовиче, в лапы которого угодил один из трёх героев нашей повести, добропорядочный иконописец Егор.

«Следует делать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать». Так говорил американский писатель и поэт Роберт Пенн Уоррен. Допустим. Тогда, как появляется на свет зло? Неужели из добра?..

Не может такого быть! Преобразование зла в добро – это понятно. Бог творит добро из любого исходного материала. Потому что Богу, и только Ему, доступно чудотворение.

А зло появиться из добра не может по одной простой причине: инициатор обращения добра в зло должен быть сильнее Бога.

Конечно, присутствие в мире зла – это Божественное попущение нашей свободе воли. Генная инженерия – наука, созданная человеком для «научного» подтверждения богоотступничества. Ведь мы сначала вводим в абсолют порчу, а потом стараемся эту порчу как бы изъять и сохранить добропорядочную видимость абсолюта. Когда же мы рано или поздно встречаемся с нарушениями желаемого абсолюта, нами руководит научное понимание некоего «божественного несовершенства». Иными словами, когда мы оказываемся по собственной воле в затруднительной ситуации, нам кажется, что Всевышний «не досмотрел» за нами, мог уберечь и не уберёг. Нам в голову не приходят библейские воспоминания о первородном грехе, последствия которого до сих пор уводят человека в сторону от Божественной Воли. «Когда это было!» – заявляем мы друг другу. Мы действительно не чувствуем за собой ни вины, ни греха. Для этого нам и нужен Бог. Да, нам нужен удобный покладистый Бог, чтобы на «высочайшем» уровне утвердить тезис вседозволенности: «Верующему грех в грех не вменяется!» Именно

такого «Бога» и придумал себе Сергей. Именно к нему он припадал с цветами, информируя визави о своих «житейских успехах».

Досадно, что есть такая наука – «генная инженерия». Не будь её, может, не пришлось бы нам во все века строить, разрушать и снова строить...

Итак.

Семья, в которой родился Серёженька, состояла из очень положительных и порядочных людей. Глава семьи профессор Лев Абрамович Колдовский работал заведующим кафедрой высшей алгебры на Механико-математическом факультете МГУ. Как человек учёный и в высшей степени регулярный, он жил по принципу: «Работа – основа семейного благополучия!» Его супруга Елена Сергеевна Колдовская, в девичестве Пейсах, заслуженный учитель России, так же, как и её почтенный супруг, была исключительно предана профессии, вела общественную работу, часто дискутировала на телевизионных педагогических шоу, отстаивая персонификацию преподавательского ремесла. «Ближе к ребёнку!» – не уставала повторять Елена Сергеевна.

Сын же Серёженька рос фактически на руках бабушки. Баба Соня была женщиной доброй, демократичной, многое позволяла маленькому Серёже. Когда же ей приходилось что-то запрещать, и обиженный внучек набрасывался на неё с кулаками, баба Соня запиралась в своей маленькой светёлке и тихо плакала.

Серёжа закончил школу, как говорят, с горем пополам. Полгода слонялся без дела и в один из дней, не предупредив никого, надолго пропал из семьи. Куда только ни обращалась встревоженная баба Соня, всё зря.

В это время закончился двухнедельный педагогический симпозиум в Карловых Варах, и домой вернулась Елена Сергеевна. Застав плачущую мать, она спросила её: «Мама, в чём дело? В нашей семье не принято плакать!» Баба Соня сквозь слёзы рассказала дочери, что четыре дня назад пропал Серёженька. Никто не знает, где он и что с ним.

«Ничего, найдётся твой внук, – ответила Елена Сергеевна. Она присела на диван и стала просматривать ворох нечитанных газет. А баба Соня утёрла платком слёзы и заперлась в своей светёлке, чтобы не видеть, не знать, не участвовать в надвигающемся горе. На мгновение ей открылось будущее.

Ходики на стене гулко отсчитали время. Елена Сергеевна оторвалась от чтения и вдруг побледнела лицом. «Серёжа? Серёженька!.. – она бросилась к двери матери. – Мама, что ты сказала?!»...

– Пишите заявление. Будем искать, – решил дежурный лейтенант, разглядывая взъерошенную интеллигентную пару, – где же вы раньше были?

– Я... я была на симпозиуме, это за границей! – горячилась Елена Сергеевна. – Я не знала. Она обернулась к мужу и схватила его за лацканы пальто.

– А вот почему ты не заметил пропажу сына? Отец! Целых четыре дня нет Серёженьки, а тебе всё равно!..

– Потихе, вы не дома! – нахмурился дежурный. – Кстати, у нас уже есть заявление о пропаже некоего Сергея. Старушка приходила пару дней назад.

Лейтенант порылся в бумагах.

– Вот. Заявление от Пейсах Софии Эльдаровны о пропаже внука Сергея Колдовского, 17-ти лет. Не ваш ли?

Елена Сергеевна опустила на лавку возле стойки дежурного, закрыла лицо руками и зашептала: «Как стыдно, как стыдно...»

Лев Абрамович, глядя в пол, ответил дежурному:

– Да, это наш сын...

Серёжа нашёлся на следующий день. Оперативная группа накрыла «маявную» сходку в одном из подвалов, арендованном некоей фирмой «Родон» под зал игровых автоматов. Всё произошло достаточно случайно. Под обычную проверку попала малолетняя воровская малина. Стая оказала сопротивление, пришлось вызывать дежурное подкрепление. Сверкнул нож. Оснований для задержания оказалось предостаточно.

Прямо в отделении из серии предварительных допросов стало ясно, что сходка планировала ограбление инкассаторской машины, обслуживающей соседнее отделение Сбербанка. Более того, пацаны показали на Сергея как идеолога и организатора предстоящего преступления.

– Этого не может быть! – возмущалась Елена Сергеевна, вытаптывая ковровые дорожки городского следственного отдела. – Разберитесь хорошенько! Мой сын не бандит. Уверю вас, это недоразумение...

В ход были пущены университетские связи Льва Абрамовича и семейные накопления, отложенные на будущий переезд в Израиль. В конце концов с формулировкой «за недоказанностью вины» Сергея освободили и отпустили домой.

В первый же вечер по возвращении сына Лев Абрамович собрал семейный совет. На совете было решено поставить в известность родственников в Израиле о желании семьи в скором времени покинуть Россию.

И только баба Соня наотрез отказалась менять Родину.

– Мой возлюбленный Сергей лежит в братской могилке на Бутовском полигоне. Никуда я от него не поеду и вам не советую. Верьте моему слову: работу потеряете и сына.

– Мама, как ты не понимаешь, Серёжа у них в картотеке. Чуть что, ему всё припомнят, и мы не сможем его защитить!

– Что ж ты планируешь сына в бандиты? – усмехнулась старушка.

– Мама! – взвизгнула Елена Сергеевна. – А ты что молчишь, Серёжа, скажи ей!

Сергей, ни слова не говоря, поднялся с дивана и вышел на балкон.

– Он курит?! – Елена Сергеевна глядела на сына через тюлевую штору и не верила своим глазам.

Действительно, Сергей раскурил «Marlboro» и демонстративно повернулся спиной к балконной двери.

Лев Абрамович бросил взгляд в сторону балкона, для убедительности встал и озвучил принятое им только что окончательное решение:

– Алгебра не терпит сослагательного наклонения. Мы едем.

– А как же мама? – переспросила Елена Сергеевна.

– Разменяем квартиру. Маме найдём приличную однушку. Прочее продадим.

Так Сергей оказался в Тель-Авиве.

Не станем описывать все перипетии новоявленных переселенцев. Скажем кратко: Лев Абрамович по ряду причин не смог устроиться на математическое отделение Тель-Авивского университета, а Елена Сергеевна столкнулась с совершенно иной практикой израильской системы воспитания. И хотя общие педагогические принципы, на которых основана еврейская семья и школа, ей были хорошо известны (по смерти репрессированного отца воспитанием подрастающей Леночки занималась исключительно мама), российский социум успел приучить профессионального педагога к иным взглядам на формирование личности ребёнка.

Елена Сергеевна не спешила с поиском работы. Во многом это объяснялось внутренней неуверенностью, которая буквально сковала её самосознание после того «непредвиденного» происшествия с Сергеем.

В течение года после переселения в Израиль Аарон Гиршевич, двоюродный брат Льва Абрамовича, оказывал бывшим россиянам посильную помощь и протекцию в трудоустройстве. Но, как и в Москве, Сергей своей непредсказуемой выходкой поверг благополучие семьи в печальную неразбериху.

Пока родители трепетали в поисках работы, Сергей «закорешился» с представителями немногочисленного тель-авивского, так сказать, люмпена. Вскоре в головах подростков родился первый противоправный план. Для его исполнения необходимо было завладеть хотя бы одной единицей оружия.

В Израиле оружие на улице – обычное дело. В один из дней Сергей с двумя подельниками (он и тут успел выдвинуться) напали на двух солдаток. Читателю должно быть известно: в армии Израиля служат не только парни, но и девушки. Девушкам-солдаткам также доверяют ношение оружия, причём не только на службе, но и в увольнительное время.

Нападавшим не повезло, рядом проезжала патрульная машина. Суматоха, выстрелы. Сергею удалось бежать. В таких случаях говорят, «нюх вывел». Но еврейский слушок пошёл.

О, этот еврейский слушок!

Приведу пример: автострада, несутся машины. Кто-то выронил на асфальт небольшой мешочек. Тут же характер автодвижения радикально меняется. Каждая из машин обязательно тормозит у мешочка, а то и останавливается (хотя останавливаться на автострате запрещено). Любопытный еврей, не покидая машину, оглядывает из окошка своего автомобиля брошенный предмет, секунд десять о чём-то напряжённо думает. Затем трогается и уезжает. Всё, теперь он в курсе!

Поэтому даже отдалённого слуха оказалось достаточно, чтобы Аарон Гиршевич забыл дорогу к жилищу брата, а Льву Абрамовичу в дирекции университета отказали, причём в не свойственной еврейскому менталитету категоричной форме. Про Елену Сергеевну и говорить неловко.

На очередном семейном совещании мать встала перед сыном на колени и стала упрашивать его добровольно подать документы... в израильскую армию. Этот поступок мог сохранить надежду на получение Сергеем израильского гражданства в будущем. За два года всё уляжется, забудется, только отслужи без ЧП! – умоляли родители сына.

Сергей, несмотря на «подростковые шалости», в целом был разумным человеком. Он принял родительскую правоту и подал прошение.

Служил Сергей на удивление терпеливо и благополучно. Довелось даже повоевать с палестинцами. На зачистке палестинских поселений Сергей отличился особым усердием, и командование операцией решило представить турайя (рядового) Колдовского к медали «За отличие». Сергей был счастлив, ему светила третья по значимости военная награда Израиля! Уже должны были отправить в штаб наградное представление, но тут случилось непредвиденное. На очередной зачистке турай Колдовский расстрелял многодетную палестинскую семью только за то, что они не встали перед ним на колени...

В тот же день вечером, после отбоя, его долго били «в кружок» сослуживцы, а бригадный сеген (по-нашему – старлей) стоял «на часах» у закрытых дверей в казарму на случай командирской проверки.

Документы завернули. Когда же подступил срок Сергею покинуть воинскую службу, ЦАХАЛ (Армия обороны Израиля) выплюнула его, как горькую вишнёвую косточку.

Однако к родительскому застолью Сергей явился героем. А на следующий день прямо в военной форме отправился подавать документы в университет. Выбрал факультет по принципу абсурда. Когда его мать спросила, куда он надумал поступать, Сергей ответил:

- Считай, что меня уже приняли на факультет менеджмента имени Реканати!
- Почему менеджмента? – поинтересовалась мать.
- А чтоб не горбатиться на чужого дядю. Своё дело открою!
- И какое ж ты надумал открыть дело? Страны не знаешь, язык не знаешь.
- А я в Россию поеду. Там лимоны по сусекам растут!

Психометрический экзамен Сергей провёл блестяще, несмотря на то, что сдавал он его не на иврите. Перевод английского текста (при полном незнании языка) также не застал его врасплох. Он организовал из прочих абитуриентов мобильную группу поддержки и перевёл чужими руками требуемые три тысячи знаков вполне прилично. В итоге... поступил!

...Приведём ещё один (последний!) факт из биографии этого талантливой мерзавца.

Через полгода после появления Сергея в Москве умерла баба Соня. Отчасти её смерть была спровоцирована поведением любимого внука, который ни разу не заехал и не позвонил. Баба Соня через дочь узнала московский сотовый телефон Сергея и много раз безуспешно набирала заветный номер. Но ни разу Сергей не «поднял трубку» и не перезвонил.

На похороны матери приехала в Москву Елена Сергеевна. Она привезла для сына кучу скромных семейных подарков. Но Сергей один раз вежливо поговорил с ней по телефону, от встречи отказался и на похороны не пришёл.

Ради Бога, не подумайте так: баба Соня сама виновата – кого воспитала, от того и получила. Нет! Да нет же! Вспомните великого мудреца Луция Аннея Сенеку. Ему довелось попечительствовать над Нероном. И что? Несколько удачных лет правления новоявленного Цезаря. А потом – мгла интриг, сожжение Рима и наконец приказ, отданный «любимому» учителю, – умертвить себя...

Что и было Сенекой исполнено собственноручно.

Всё, хватит! Долго описывать гнилое яблоко невозможно. Оно начинает смердеть и пачкать текст рукописи. Пока этого не случилось, замкнём о худом уста и вернём повествование к трём положительным героям нашей книги. Где они, далече ль разъехались? Время нынче, аки пушкинская метель, грозное: чуть замешкался в пути – заметёт, ищи-свищи!

Часть 2. Под самой Казанью

Поезд равнозвучно выкатывался за пределы Великого княжества Московского. Где-то вдалеке таилась Казань. Степан и Порфирий пили чай и лениво наблюдали в окошко проплывающие мимо луговины. Но вот показалась широкая голубая лента.

– Волга, брат Порфирий, Волга-матушка, встречай!

– Э-э, что мне твоя Волга. Кто не видал Енисея, что с того спрашивать!

– Э нет, брат Порфирий. С виду ты русский человек, а слушаешь тебя – коренной зауральский иностранец – тува-тува. Короче, шаман дальневосточный. Вроде тигра бенгальского, только севернее!

– У нас говорят, – спокойно ответил Порфир, – «кто скор на слово, тот плакать скор».

– Это верно, – Степан сбросил улыбку, – молчит Егор, странно молчит.

– Вот и я думаю. А ты позвони!

– Умница! – Степан обнял Порфира за плечи. – Умница ты моя!

Степан выложил на столик сотовый телефон.

– Так, восьмёрка, девятьсот шестнадцать... – Порфирий следил за Степаном, будто сверял его действия с собственной памятью. Наконец Стёпа набрал номер и приложил телефон к уху.

– Ну что? – нетерпеливо шепнул Порфирий.

– Гудки пошли.

Вдруг лицо Степана напряглось, и брови сдвинулись к переносице.

– Я с кем говорю? Что с Егором?!

Ещё какое-то время он держал трубку, затем медленно опустил руку, и телефон выкатился из его ладони на стол.

– Так я и знал...

– Что, Стёп?

– Попал наш Егорчик в переплёт, пока мы тут с тобою чай гоняем. И, кажется, крепко попал...

Часть 2. Полный назад!

Хрипло, перекивая стук колёс, затрындел вагонный громкоговоритель: «Наш поезд прибывает в город Казань. Время стоянки – один час тридцать минут».

– Так, Порфир, ноги в руки – и с вещами на выход!

Сбега по ступенькам, Степан улыбнулся сошедшей на перрон проводнице. На её молчаливый вопрос, почему они выносят вещи, ответил:

– Милая девушка, сожалею, но мы возвращаемся в Москву. Вам доброго пути!

Друзья спустились с платформы и вышли на станционную площадь. Стёпа подошёл к таксистам.

– Где тут у вас самый быстрый и самый дешёвый водила? Показывайте!

Таксисты загоготали, как гуси, и расступились, «оголив» огромного верзилу в дорожной кепке и потёртых сатиновых шароварах.

– Чё надо? – верзила пригнулся и потешно приложил раскрытую ладонь к уху.

– «Чё надо», я тебе потом скажу, – улыбнулся Степан, – а сейчас скажи мне, дружок: ты машину водить умеешь?

Парень растерялся. Он не ожидал такой откровенной наглости от приезжего. Однако Степан привычно стал набирать обороты:

– Ну, с автоматической коробкой передач, ты, похоже, не знаком. А скажи мне, любезный, сколько колёс участвуют в движении машины?

– Четыре, – промычал совершенно сбитый с толку верзила.

– Ответ неправильный. Пять! Потому что запаска тоже движется, но поступательно!

Таксисты покатались со смеху. Верзила наконец пришёл в себя – лицо его побагровело, кулаки сжались. Он надвинулся вплотную на Степана. Но в это время откуда-то из-за голов прозвучала команда: «Назад!»

Щуплый старичок стоял, опершись на капот старенького «Рено», и вертел на указательном пальце правой руки брелок с ключами.

Верзилу от слов старика сдуло. Он отпрянул назад и виновато забубнил:

– Я чё, Нестор, я не...

– Я отвезу, – тихо сказал старик Степану и повернулся к машине.

– Нас двое, – уточнил Стёпа.

– Да хоть с половиной, – ощерился Нестор и включил зажигание.

Таксисты почтительно расступились. Наши герои сели в машину, водила включил зажигание и тронулся со стоянки.

– Куда и зачем? – покинув привокзальную площадь, Нестор притормозил в переулке.

– В аэропорт. Гибнет товарищ, – ответил Степан.

– Билеты есть?

– Нет.

Нестор набрал номер.

– Славущка, две нары до Москвы на ближайший. Что значит – нету? Ты плохо ищешь, – Нестор обернулся к Степану. – Не трухай, всё будет.

В трубке что-то заверещало.

– Во-от, молодец, Славущка. Резервируй на меня и скажи, чтоб хорошенько подмели взлётную!

Водила вложил трубку в прищепку, укреплённую на приборной панели, и не оборачиваясь спросил:

– В чём проблема?

– Нас трое. Третий – Егор. Он художник, малюет в храме. Честно заработал бабло. А некто Сергей это бабло в подпол припрятал и говорит: «Полезай!» Полез Егор в подпол, да только лестница скользкая оказалась. Сорвался он и, кажется, крепко поранился. Жив, нет ли, не знаю. Понимаешь?

– Что ж тут не понять, – ухмыльнулся Нестор, – тут надо свою, надёжную лестницу срубить и Егора твоего проведать, а как по-другому?

– Ну так помоги, брат Нестор, если можешь! – Степан сбился с этикета.

– Без базара. Есть у меня в Москве кентуха. Надо ль?

– Надо! Пробей сейчас: Егор, художник, короче, мазила.

Старичок остановил машину, вышел и стал звонить по мобильнику. Минут пять он говорил, через слово переходя на блатную феню. Наконец разговор был закончен.

– Сложно. Брендят, гопник этот Сергей и беспредельщик. Небось Егору твоему душняк постелил.

Нестор сильно шепелявил, но Степан понял главное – дело дрянь.

– Я заплачу.

– Не пыли! У тебя на лбу малява писана: «Денег нет и не будет».

Нестор стал серьёзен.

– Чую, мужики вы не бумажные. Слушайте меня сюда, – он снова достал мобильник, – по прилёту наберёте вот это, – Нестор нашёл в поисковике нужную страницу и чиркнул на записном листочке номерок. Это Голубь, да, так и зовут – Голубь. Он уже в курсе. Слушайте его. Успеете – будете первыми.

Такси подкатило к зданию аэровокзала. Нестор вышел из машины.

– Паспорта.

Степан подал свой паспорт и временное удостоверение Порфира. Нестор, взглянув на удостоверение, хмыкнул «ну-ну» и исчез за служебной дверью. Через десять минут он вернулся в зал ожидания.

– Вот ваши ксивы. Всё зарегистрировано. Полетайте. Штой-то греет меня ваш Егор, отроду такого не значилось!

Он обнял Степана, потом Порфирия. Тиская старческими ручонками Порфира, Нестор шепнул ему: «Прибереги огольца. Резвый больно, тут надо без спешки».

Часть 3. Москва златоглавая

Самолёт приземлился в Домодедово. Наши друзья покинули здание аэропорта и направились на железнодорожную станцию. Новенькая электричка ожидала пассажиров, гостеприимно распахнув двери вагонов. Степан и Порфирий вошли и присели у окошка. Стёпа достал мобильник.

– Здравствуйте, могу я слышать Голубя?

Лицо Степана выглядело спокойным и сосредоточенным, в то время как Порфирий нетерпеливо ёрзал на своём месте и совершенно не знал, куда ему следует хоть на время положить руки.

– Меня зовут Степан. Ваш телефон дал мне... Да-да, я понял. Нет, не один, нас двое. Готовы прямо сегодня. Конечно! Я запоминаю. Лады, в восемь будем. До встречи.

– Ну что? – спросил истомившийся Порфир.

– Сейчас едем ко мне, бросаем вещи и дуем на Шаболовку к восьми часам. Это недалеко от квартиры Егора. Стрелка там, понимаешь?

– Какая стрелка?

– Э-э, да что ты в Москве четырнадцать лет делал, ума не приложу. Русский язык толком выучить не удосужился, сибирячок!

– Да ну тебя! – Порфир откинулся на спинку вагонной сидухи и закрыл глаза.

– Ты посиди, я выйду покурить, – улыбнулся Стёпа и, зная, что Порфирий не переносит табачный дым, направился в дальний конец вагона.

В это самое время в вагон вошли два интеллигентных мужчины. У одного в руках был небольшой чемоданчик, у другого – новенький кейс. Они присели неподалёку от Порфирия. Посидев в молчании пару минут, один из них открыл чемодан и стал перебирать вещи. Вдруг его лицо исказилось недовольной гримасой.

– Ну что ты будешь делать! Попросил жену положить карту Москвы, а она запихнула мне игральные карты. Вот дурёха!

Он посмотрел на своего попутчика.

– Ну, раз такое дело, сыграем разок?

– Я не против, – благодушно ответил тот.

Первый обернулся в сторону Порфира:

– А вы, любезный, не хотели бы составить нам компанию в картишки? Втроём оно как-то интересней.

– Я не умею, – спокойно ответил Порфирий.

– Не беда! – усмехнулся первый. – Тут важно везение. Игра – дело простое!

– Нет-нет, я не буду, – стал отнекиваться Порфир.

– Зря, милостивый государь, зря! Приятно проведём время, на копеечку сыграем. Глядишь, приедете с прибавочкой! Ну?

– Ну, если только разок... – неуверенно промямлил Порфир.

– Разок, конечно, разок! Игра – дело добровольное: хочешь – сел, а хочешь – встал! – захохотал мужчина, раскладывая карты на крышке чемодана. – Подсаживайтесь!

Порфирий грузно поднялся со своего места и подсел к чемодану. Мужчина начал сдавать карты.

Вернулся Степан и увидел своего товарища за «карточным столом».

– Так, – Степан принял грозный вид, – что всё это значит?

– Я... я хотел попробовать... – залепетал Порфир, заливаясь краской стыда.

– А вам, собственно, что угодно? – спросил Степана мужчина с кейсом.

– А вам, собственно, какое дело до моих угодий? – ответил Стёпа, приподнимая Порфира. – Пойдём, дорогой, зачем нам чужие деньги, свои девать некуда.

Мужчина, сдававший карты, бросил колоду на чемодан и, придерживая Порфира, вызывающе крикнул Степану:

– Гражданин, идите своей дорогой!

– А ты меня на горло не бери, – спокойно ответил Стёпа, отводя Порфира в сторону, – неча тут фуфлю задвигать, не в катране.

Несколько специальных терминов, озвученных Степаном, произвели на обоих мужчин магическое действие. Не говоря ни слова, они собрали карты, встали и направились к выходу.

Порфирий озадаченно проводил их глазами. Не совсем понимая, что происходит и почему они ушли, он вышел в тамбур и через минуту вернулся.

– Стёпа, они пошли обратно в аэропорт... Они же хотели ехать в Москву?

– Порфирушка, хочешь, я открою тебе страшную тайну? Это были обыкновенные карточные шулера. Слава Богу, ты всё быстро понял и отказался от игры.

– Ну да, так оно и было... Слушай, а что ты им сказал?

– А я им сказал: «Любовь нас познакомила, любовь и развела».

– Это что, песня такая?

– Ну да, куплет для посвящённых.

– А-а...

Часть 4. Валентина

Друзья оставили вещи в прихожей на попечение Пульхерии Модестовны (она первая выглянула на шум) и поспешили на Шаболовку. Выйдя из метро, они направились по указанному адресу. Каково же было их удивление, когда под номером 21 перед ними предстал не барак и не кафешка типа «Сам пришёл», но статный узорчатый храм святой Живоначальной Троицы.

– «Войдёшь, спросишь Ираклия», – процитировал по памяти Степан разговор с Голубем, – идём, Порфир, дорожку знатную нам постелили.

Они поднялись по ступеням и вошли в притвор храма.

– Ого! – заметил Степан. – Толстота-то какая!

Действительно, интерьер храма чуть подавливал входящих тяжеловесностью архитектурных деталей и невероятной толщиной стен. В советское время храм был закрыт, разорён и только недавно передан церкви. Обшарпанные стены со следами недавней вычленки на участках «атеистических поновлений», свежая кладка огромного шатра над четвериком говорили о капитальных реставрационных работах, проводимых новоявленной церковной властью.

– Эх, Егора бы сюда! – мечтательно вздохнул Степан, оглядывая возрождающийся интерьер.

Они подошли к церковной лавке. Хрупкая и необыкновенно живая старушонка, стоя на стремянке, поправляла ряды книг на верхних полках стеллажа.

– Простите, бабушка, нам бы с Ираклием повидаться, – елеинным голоском начал разговор Степан.

Ловко перебирая каблучками, старушка вспорхнула со стремянки и обернулась.

– Какая я тебе бабушка, внучек?

– Виноват, дивная и невероятная, обознался!

– Ну ты лебезятник! Не с моей ли прежней работы?

– А позвольте поинтересоваться вашим прежним местом трудовой деятельности, – Степан облокотился на прилавок, – это ж какие кадры!

– Вот-вот, милок, золотые были кадры! Да фильм закончился.

– Это правда, – Степан кивнул, – один рваный билетик и остался. Звать-то вас как, милая и несравненная?

– Раньше звали Валентиной, а нынче (так сказать, в преклонном девичестве) Валентиной Степановной величают.

Степан посмотрел на собеседницу с нескрываемым восхищением:

– Да, жива ещё матушка Россия...

Старушка махнула рукой:

– Ты, мил человек, Ираклия, сторожа спрашивал? Да вот он, голубок!

В самой гуще прихожан стоял средних лет человек с окладистой бородой и мял в руке кепку-пролетарку. И хотя он стоял лицом к иконостасу, было заметно его личное присутствие во всём, что совершалось за его спиной в притворе.

– Спасибо! – нараспев ответил Стёпа.

– Не спасибо, а спаси Господи, внучек, – поправила женщина, рассыпая морщинки по щекам.

– Да-да, вы правы, Валентина, спаси Господи, – повторил Степан и направился к Ираклию.

Порфирий остался стоять у прилавка, неловко переминаясь с ноги на ногу. За четырнадцать лет московской жизни, сколько ни заходил он в тот или иной храм, не мог он сердцем принять это русское поповство.

Ведь сказано же было епископом Павлом Коломенским, и когда ещё, в 17-м веке: «Среди вас есть простые благочестивые мужи и иноки, боящиеся Бога и соблюдающие заповеди Христовы, которые могут крестить и исповедовать, а истинное священство с Никоновыми новинами прекратилось».

Вот и выходит, пока были живы священники старого, древлеправославного поставления, они и приобщали Божественных Таин «остальцев древляго благочестия». А уж как перемёрли отцы благие, сподобно стало и простолюдину крестить и исповедовать по преданию Святой Церкви.

И ещё припомнил Порфир, как отец наставлял его: «Сынок, знать тебе надобно, что давным-давно на дальних Соловках случилось восстание. Часть соловецких иноков перестала ходить на исповедь к духовным отцам монастырским и стала исповедоваться промеж собою у простолюдинов. Говорили они: «Как первое пришествие Спасителя было в оскудение Ветхого Священства, так и второе пришествие будет. Пусть уж лучше хоть в нашей Церкви хранится светлое и чистое воспоминание о непопранном Престоле Божиим, на который Господь вновь придет ступить в День Второго и Великого Своего Пришествия...»

Многие вечера провёл Порфир в размышлениях о церковной правде. Да только или умишком Бог не наделил, или вопрос уж больно заковыристый оказался, но ничего определённого не выведал Порфир ни из книг, ни из разговоров накоротке с разными людьми. Всяк своё утверждает, а истинной правды, такой Правды, о которой никто не смог бы худого слова сказать, нет как нет.

Тем временем Стёпа и Ираклий присели в сторонке на лавочку и о чём-то друг с дружкой стали внимательно разговаривать. Порфирий, как ребёнок, доверялся Степану. Вот и теперь он посчитал, что его присутствие на лавочке округ товарища не требуется. Он облокотился на прилавок и спросил:

– А что, и поп у вас имеется?

Валентина обомлела от его вопроса, не зная, как ей следует отвечать. Но затем заговорила быстро и вопросительно:

– Откуда ж ты такой нарисовался? Нешто не знаешь, что служить без священника, попа по-твоему, никак нельзя?

– Почему нельзя? У нас и щас так Богу молятся. Сами собой.

– Это кто ж такие? Беспоповцы что ль?

– Ага. В Сибири, далече отсюда будет.

– Эк, занесло тебя, сердешный! Слушай меня внимательно, тебе б с нашим отцом Георгием поговорить! Умный он. Подойди, так, мол, и так, беспоповец я окаянный. Он тебе всё расскажет и как жить, присоветует!

– Нельзя мне. Грех ведь!

– Ну какой тут грех? Замороженный ты!..

– Я не замороженный, – нахмурился Порфирий, – поглядели б вы, Валентина, како ладно живут-то у нас. Ни замков, ни обмана. Трудом да молитовкой на всяк случай житейский. С зорькой встают, с вечерним божественным славословием ложатся. На зарядки бездельные, как у вас, не бегают, ноги поверх головы, прости Господи, не задирают.

– Милый ты мой! – вздохнула Валентина. – Да кто ж рассудит у вас, коли промеж двух разлад пойдёт? Нешто не бывает?

– Нет, не бывает, Валентина Степановна, – улыбнулся Порфир, – а уж коли случится такая напасть, да ляжет бесова тень меж кем, так на то на заимке сход есть. Он и порешает.

– А скажи мне, божий человек, как вы разумение церковное храните? Если я правильно поняла, все вы живёте трудом от рук своих. Но чтобы постичь Христову грамоту, надобно размышлять об том, книги читать, ум стеречь от крамолы. Это ж работа особая, не топорная. Не то придёт вертлявый умник, наговорит с три короба, да вас, чистых душою, и замарает. Как тогда?

– Не знаете вы сибирского мужика, Валентина. Ему что с топором, что с книгой едино под Богом быть. А кто под Богом, тому крамола...

Подошёл Степан.

– Пойдём-ка, Порфир, баиньки. Похоже, нам с тобой завтра силы потребуются.

Уже в дверях Степан обернулся и взглянул на стоящего в толпе богомольцев Ираклия. Тот совершал земные поклоны в ответ на возгласы дьякона перед иконостасом. Начиналось всенощное каждение.

Часть 5. Время закончилось вчера

Автору следует упомянуть вкратце разговор, который состоялся у Степана с «голубком» Ираклием.

Голубь долго сидел молча, опустив голову, будто что-то рассматривал средь половиц или приюхивался к собеседнику. «Нестор, он, конечно, фраер козырной, тёртый, – размышлял Ираклий, – да кто ж этого корешка малявого знает?» Степан же, чувствуя нутром Голубев рентген, не встречал, ждал.

– Этот Сергей – баклан без понятий, – начал Ираклий, – один шухер от него. Братва недовольна. Я перетёр кой с кем. Есть мнение: пора ему пообломать роги. А то ветвиться стал паче меры.

– Меня допустите? – спросил Степан.

– Как решит братва. Стрелку забили. Вот адресок, приходи к одиннадцати. Тебя увидят. Есть мнение разводилой тебя поставить. Не сдрейфишь, коли так?

– Нас двое.

– Сам вижу. Кто такой?

– Сибирячок-старовер.

– Такого можно.

В семь утра Степан и Порфирий были уже на ногах.

– Порфир, надень самое удобное. И чтоб ничего не болталось. Ремень приправь внутрь да повяжи на голову платок. Шевелюра у тебя знатная, платок сорвут, и ладно. – Степан тщательно готовил Порфира к поединку, о котором не имел ни малейшего представления:

– Как говаривал великий учёный Николай Иванович Пирогов: «Будущее принадлежит медицине предупредительной». Так что нам с тобой, Порфирушка, надобно крепко предупредиться.

В девять тридцать они вышли из квартиры.

Пульхерия Модестовна проводила их до двери и отпустила со словами: «Ну, голуби, летите и возвращайтесь». Уже на лестничной площадке Степан обернулся и спросил старушку: «Радость моя, что значит плач Ярославны в вашем исполнении?» Старушка посмотрела на него внимательно и ответила:

– Ах, Стёпочка, поди, не первый год живу, три войны насквозь проглядела. Если мужчины встают поутру и молча уходят, не выпив чая, – знать, беда на дворе.

Без пятнадцати минут одиннадцать ребята вышли из метро «Орехово» и направились по указанному адресу. В сквере около 22-го дома их окликнул хриплый мужской голос:

– Стволы, баллоны есть?

– Нет, – ответил Степан, оглядываясь вокруг.

Из-за полуразвалившейся кирпичной постройки отделился щуплый человечек в обвислой старомодной одежде и махнул головой, молча приглашая следовать за ним.

Степан тронул Порфирия за плечо и молча направился первым.

Человечек прошёл вдоль гаражей, свернул в парковую зону и наконец остановился у небольшого серого строения с выщербленной цементной штукатуркой. Старый брошенный особнячок окружал унылый кирпичный забор.

Провожатый знаком руки остановил Степана, а сам через приоткрытые ворота юркнул на огороженную территорию.

– Егор здесь, сердцем чую, – тихо сказал Стёпа, поворачиваясь к Порфиру.

Порфир сжал кулаки и кулаком же совершил на груди крестное знамение.

Из ворот показался провожатый. Оглядев округу, он ладонью поманил внутрь.

Степан и Порфирий один за другим протиснулись в воротную щель и оказались на большой, совершенно пустой дворовой территории. Чёрные проёмы окон первого этажа сверкали солнечными отражениями и немного разбавляли тягостную картину заброшенной пустоты.

– Канаете в залу на первой палубе и топорщитесь там, как бакланы. Мол, за чувака деньги башляете. Но предьяву тяните. Торгуйтесь.

Человечек сказал и растворился.

– Ну, Порфир, на всякий случай – прощай. Увидимся там – выпьем с Богом на троих за здоровье святой Троицы! – крикнул Степан.

– Стёпа, и ты прощай. Жизнь вечная – увидимся опосля как-нибудь, – Порфирий грустно улыбнулся и обнял Степана.

Они вошли в проём единственного подъезда. Как только сырая темнота сомкнулась за их спинами, откуда-то из-под лестничного марша выпорхнули два огромных человека и с быстротой молнии прошмонали наших героев по вертикали от воротника до шнурков.

– Полегче! – вспыхнул Степан. – Эй, вы там!..

Не успел он договорить фразу, как один из двух шмональщиков ударил его кулаком в лицо. Падая, Степан шепнул Порфиру: «Молчи!» Вышибала подскочил к упавшему Степану и принялся было работать ногами. Но Стёпа изловчился и подъёмом стопы цепанул ногу нападавшего за ахиллесово сухожилие. Ребром стопы другой ноги он что есть силы ударил нападавшего прямо в коленную чашечку. Раздался неприятный хруст, и вертухай с диким рёвом провалился в цементную черноту подъезда. Второй, как тигр, кинулся на Степана, но тут Порфир нижним взмахом огромной руки (так снизу режут медведю горло специальным медвежьим ножом) вдавил кадык в гортань зверюге-вертухаю.

Подъездная хлябь огласилась сдавленными воем поверженных великанов. Степан, опираясь на руку Порфира, встал, стряхнул с одежды осколки битого стекла и мокрое месиво окур-

ков. Пошатываясь, он поднялся по лестнице на площадку первого этажа и пошёл по узкому тёмному коридору по направлению к открытой двери в залу. За ним следом, прикрывая товарищу спину, направился Порфирий.

В просторной комнате, действительно напоминавшей зал, былолюдно. Три незашторенных окна наполняли помещение холодным «кипятком» осеннего солнца. На единственном стуле сидел молодой мужчина в тёмных очках и дорогом вельветовом костюме. Справа и слева от него стояли два внушительных верзилы, а дальше амфитеатром располагались четырнадцать бластных молокососов. Под левым окном лежал человек, прикованный к батарее. Видно было, что он совсем плох, да и жив ли?

«Егор... – прожгла Степана очевидная мысль-догадка. – Сволочи! Ладно, повоюем».

– Кто такие? – спросил мужчина, сидящий по центру.

– Хозяин, мы, вишь ли, художники. О старшом нашем, Егоре, справиться пришли. Нам без него, родненького, хана, сплывут деньжата, – ответил Степан елейным голоском.

– И много сплывёт? – поинтересовался центральный.

– Поди лимона четыре, не меньше, – Стёпа закатил глаза, будто высчитывая барыш.

– Славно. И что ж для этого надо? – оживился центральный.

– Надобно завтра быть Егору на переговорах в одном месте...

– Серый, да они наших положили! Какие на хрен художники, беса гонят хмыри, кончать их надо, и все дела, – закипятился правый от стула верзила.

– Погодь, Грегор, не пыли, – отвечивал центральный по кличке Серый, – оно успеется. Что ещё скажешь? – спросил он, оглядывая поверх очков Степана и Порфирия.

– Четыре ляма на кону, – отвечивал Степан, – тебе решать.

– Бля буду, фуфло гонит, падла! – Грегор метнулся навстречу Степану.

Верзила, стоящий справа от стула, выхватил из-за пояса кнут и, как жеребца, положил Грегора на половицы.

Компания хохотнула в несколько голосов и нетерпеливо заёрзала у подоконников.

Грегор встал. Его глаза налились красной расплавленной медью. Он судорожно полез за пазуху, но в это время Серый выкрикнул: «Нишкни!»

Грегор тотчас обмяк и смешался за головами поделльников.

– Соловей, ты у нас человек спокойный. Объясни чувакам условия сделки, – вяло улыбнулся Серый.

Соловей подошёл к Степану и воткнул нож под подбородок.

– Больно? – спросил Серый, распечатывая о подоконник бутылку пива.

– Больно, – с трудом выговорил Степан, не вынимая рук из карманов куртки.

– То-то.

Вертухай убрал нож и втёрся на своё место за стулом.

– Этот, – сказал Серый, указывая на Порфирия, – останется при мне. Егорку на выписку. А ты, – он взглянул на Степана, – обожди на лужайке за домом, оно тебе же целее будет.

Часть 6. Шухер

Степан шёл по тёмному коридору. Тех двоих уже успели убрать. В подъезде было тихо. Вдруг из-под лестничного марша, как и полчаса назад, возникло препятствие. Щуплый мужичок-проводжатый выглянул из темноты и тихо произнёс:

– Подь сюды.

Степан остановился. Мужичок схватил его за одежду и увлёк под лестницу. В движении этого маленького человека оказалось столько жилистой силы, что Стёпа даже растерялся.

– Волынил толково, – прохрипел он на ухо Степану, – как шухер начнётся, берёшь своих и валишь. Щас правилка захороводится, делать вам тут неча. Сказал и исчез, как растворился.

Стёпа вглядывался в темноту и видел, как вдоль стен заскользили неприметные серые люди-тени. Скользили бесшумно, несмотря на мусор под ногами и почти полный мрак.

Наконец со стороны зала раздался крик:

– Братва, шухер!

Мгновенно всё вокруг заметалось, стало зримо и деловито. Всё новые и новые «бойцы невидимого фронта» взлетали вверх по ступеням и разбегались, кто в зал, кто на верхние этажи. Стёпа вынырнул из своего укрытия и побежал туда, где остались Егор и Порфирий. Раздался первый выстрел. Вслед за ним, как по команде, началась оглушительная пальба. Из двери зала в коридор, будто ошпаренные пчёлы, гроздьями вылетали пули. С глухим шипением они впивались в старую настенную штукатурку и дранку потолка. Вдруг кто-то сзади сбил его с ног.

– Лежать! – услышал он голос над головой.

Над Степаном склонился в боевом камуфляже боец. Поперёк груди жёлтым по чёрному значилась нашивка «ФСБ». Что-либо говорить или объяснять было бессмысленно, ведь Степан попал сюда не с органами правопорядка. Оставалось подчиниться и, уткнув лицо в половицы, молить Бога за судьбу товарищей.

Через десять минут всё было кончено. Степан и Порфирий стояли в шеренге молодцов, обернувшись лицом к стене, широко расставив ноги и заложив руки за голову.

– Отпустите их. Это мои друзья, они не бандиты.

Степан слышал сдавленный шёпот Егора. Говорить громче Егор не мог. От травм, полученных в «беседах» с Грегором и Соловьём, тело отказывалось выполнять даже простые команды.

– Егорушка, мальчик мой, прости меня, грешного супостата! Это я во всём виноват, прости окаянного, Христа ради! – послышался знакомый Степану проникновенный голос. Он слышал его однажды, будучи с Егором в храме. Да-да, это был голос настоятеля о. Викентия.

Батюшка подбежал к Егору. Слёзы градом сыпались с его бледного, утомлённого ожиданием лица. Облобызав Егора, о. Викентий обратился к старшему офицеру команды:

– Отпустите Егорушкиных друзей, это люди добрые, я ручаюсь за них. Они вам сами потом всё расскажут.

– Снять с шеренги, – коротко скомандовал офицер.

Два бойца опустили руки Степану и Порфирию и подвели их к командиру.

– Завтра в десять на Петровку, куда – скажу позже, а сейчас свободны.

Степан по-волчьи оглянулся, нашёл в толпе Егора и бросился к нему.

– Егорка!

Егора под руки поддерживали о. Викентий и могучий ФСБ-шник. Друзья обнялись. Батюшка и боец передали Стёпе Егора и тактично отошли в сторону.

– Егор, товарищ мой добрый!.. – впервые от начала повести автор наблюдал на глазах Степана слёзы. Что ж, мужчины тоже плачут. Случается, и в мужском сердце порой возникает острая мокрая необходимость. Эка невидаль!

Бойцы СОБРа исподволь поглядывали на обнявшихся друзей. И если бы мы с вами, добрый читатель, присутствовали неподалёку, то наверняка заметили бы улыбки солидарности на их мужественных лицах. Ведь только что они здорово рисковали жизнью ради этих гражданских!

Но вот на Егора и Степана пала разлапистая тень. То Порфир, как сибирский медведь, навалился на друзей, совершенно не думая о том, что один из них едва держится на ногах от волнения, а другой и вовсе стоять не может...

P. S.

Октябрьским днём друзья сидели на лавочке у подъезда Егора.

– Ну что, едем? – улыбнулся Степан.

– погоди, Стёп, сейчас решим, – Егор с трудом вытащил забинтованной ладонью из кармана мобильник и, тыкая одним абсолютно здоровым пальцем, набрал номер.

– Свет, ну что? Отлично! Выйди, мы тут на качелях качаемся. Жду.

Минут через пятнадцать из подъезда выбежала огромная чёрная собака. За собакой следом на дорожку, ведущую к детской площадке, вышла хрупкая стройная девушка. Собака хотела было исчезнуть со двора, но, увидев Егора, жалобно заскулила и вернулась к хозяйке.

– Познакомьтесь, это Светлана, моя любимая девушка! – торжественно объявил Егор, делая несколько шагов ей навстречу. – Ну вот, теперь мы все в сборе. Можно ехать!

– А собака? – Степан стоял против солнца и шурился, глядя то на Егора, то на чёрное самодовольное животное.

– Анри очень любит путешествовать, – улыбнулся Егор.

– Правда, он предпочитает делать это в одиночестве, – рассмеялась Света, – но, думаю, хорошая компания ему не повредит!

– Да здравствует Джером Кей Джером! Вас приветствуют четверо в лодке, не считая собаки! – воскликнул Стёпа.

– Джером-то при чём, нас ведь четверо, не трое? – спросил Егор.

– Как при чём? За сто лет должно же было хоть что-нибудь измениться!

– Ладно, а почему тогда «в лодке»? – не унимался Егор.

– Да-а, Егорушка, тебе ещё поправляться и поправляться. Это же Лады судьбы!

– Ты хочешь превратить нашу общую ладью в корабль Спасения?

– Вот-вот, именно. Егор, ты на глазах поправляешься!

– Это верно, – улыбнулся Порфирий, – без лодки нам никак нельзя, мы ж по Малому Енисею пойдём. На большой воде лодка нужнее хлеба!

Ильинский волнорез

Рассказ

Вступление

Человеку в жизни сопутствует огромное количество так называемой «житейской ткани». Эта ткань, как рыбацкая сеть, с годами обнимает нас плотным покровом. С одной стороны, её наслоения являются защитой от непогоды и стрел врага, с другой – сковывают движения, заставляют почувствовать власть времени и нашу личную несвободу. Единственное, над чем не властны житейские ткани, – это дух. И если тело порой не в силах разорвать сети, вернее, путы времени, то дух наш дышит, где хочет. Он свободен!

Часть 1

На заснеженной лавочке Сретенского бульвара, вмерзая в роскошный рождественский снегопад, сидел молодой, интеллигентного вида человек и читал книгу. Мокрыми пальцами юноша перелистывал страницы и всякий раз замирал на несколько минут, пока снежинки не укрывали строки очередным плотным желтовато-белым ковриком. Тогда он набирал в рот морозный воздух, сдувал с разворота непрощенное великолепие и продолжал чтение. Шапка и внушительные плечи чтеца напоминали трёхчастный пьедестал почёта, на котором три «спортсмена-снеговика» всё время увеличивались в размере, будто раздувались от удовольствия и важности происходящего.

Невзрачная потрёпанная книжонка то засыпала, как старушка, в руках молодого человека, то просыпалась и, стряхнув шубку, переворачивалась на другой бок. Казалось, юноша всё более хмелел от прочитанного и совершенно потерял счёт времени. Вот послушайте:

Осыпались листья над вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мёртвый, послушайте, милый,
Вы всё-таки мой...

Да-да, Илья, так звали засидевшегося в снегопаде юношу, читал стихи Марины Ивановны Цветаевой. По странному стечению обстоятельств поэзия этой словесной чаровницы только сегодня и то как-то случайно вспыхнула в его жизни. Девушка-библиотекарь положила перед ним заветный томик и спросила:

– Вам нравится это?

Илья взял в руки книгу, раскрыл случайный разворот и, пробежав пару строк глазами, с жаром ответил:

– Беру!

Девушка улыбнулась, вписала книгу в его читательскую карточку и добавила:

– Только не зачитайте.

Когда Илья вышел из библиотеки, в городе уже смеркалось. Небо заволокли серые тяжёлые тучи. Падая крупный мокрый снег. Зажглись первые фонари, посверкивая золотыми искорками сквозь вереницу белых рождественских мух. На календаре значилось шестое января. Повсюду, так или иначе, ощущалось приближение ночных рождественских событий.

Илья знал – мать и сестра ждут его к праздничному столу. В этот год из-за болезни мамы было решено смотреть Рождественскую службу по телевизору. Юноша взглянул на часы. Вечер только вступал в свои праздничные права. «Успею!» – подумал юноша, присел на ближайшую лавочку и, затаив дыхание, достал из рюкзака томик Цветаевой.

Как вы понимаете, уважаемый читатель, фейерверк цветаевских рифм с первых же строк захватил воображение нашего героя. Ни снегопад, ни торопливые стрелки бульварных часов, ни улыбки прохожих, оглядывающих сидящий на лавочке сугроб, из которого во все стороны торчали части человеческого тела, не могли отвлечь Илью от привилегии созерцать несказуемое!

Наверное, именно так и надо вычитывать Цветаевские стихи. Необычно, хмельно, в кружении непогоды. На уютном диване, с чашечкой кофе в руке Марины строки царапают нас, как отломанные от большого стебля ветки репейника, скрытые под клейкой словесной массой. Дерзкие и вызывающие, они сопротивляются беспечному течению нашей литературной слюны и уюту размеренного пищеварения. А вот среди мокрых от снега, как от слёз, страниц, среди рождественской व्यюжки и колких прикосновений вечернего снегопада эти странные стихи чувствуют себя комфортно.

Наконец Илья оторвал от книги глаза и растерянно оглянулся вокруг. Непросто выбираться из зыбкого омута Мариных стихов на житейский бережок собственной судьбы. Даже в вечер грядущего Таинства всё предстоящее известно и объяснимо. В книге же под каждой строкой – чёрная яма! Строки, как соломенные мостики, колышутся над гулками провалами в бесконечность. Забежал на мостик – ах! – под тобою пропасть, над тобою небо, вернее, Марина в звёздах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.